

Матильда

Аваланж

Дом для НЕПРОЩЁННЫХ

Матильда Аваланж
Дом для непрощённых
Серия «Городское фэнтези
Матильды Аваланж», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70354600

SelfPub; 2024

Аннотация

Воровка, польстившаяся на чужое. Старшекласник, тяжело переживающий развод родителей. Избалованный мажор, не знающий цену жизни. Что может быть общего у трех таких разных людей? Волею случая они попадают в странный Дом на границе миров. Здесь действуют свои жестокие порядки. Чтобы сбежать отсюда, они должны разгадать все тайны Дома и его хозяина. Но случайно ли они оказались здесь?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	30
ГЛАВА 3	55
ГЛАВА 4	78
ГЛАВА 5	99
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Матильда Аваланж

Дом для непрощённых

ГЛАВА 1

Раиса

Весёлая компания расселась вокруг стола. Вытянутые пепельные лица пугающе улыбались большими ртами. У кого-то в зубах торчала сигарета, кто-то отправлял в бездонную пасть ложку салата, а кто-то просто сидел, сложив тощие руки. На столе примостилась и полная окурков пепельница, и рюмки, и обглоданные кости, а в центре лежала бутылка, указывая горлышком на одного из участников застолья. Он водрузил на голову праздничный колпак и улыбался шире всех.

Я отвела глаза от картины в простой деревянной рамке и решила, что у себя её точно не повесила бы. В этом же доме она занимала самое видное место.

– Доброе утро! – услышала и от неожиданности вздрогнула.

Андрей явно спешил, на ходу застёгивая пуговицы каше-

мирового пальто, но остановился, увидев меня. Улыбнувшись, я поздоровалась и пожелала ему хорошего дня.

– Всё в порядке, Раечка?

Будь возможность, я бы предпочла, чтобы меня называли по-другому. Где-то слышала шутку, что женщины с именами Раиса, Любовь, Клавдия и Зинаида уже рождаются бабушками. К тому же в кругу таких, как Андрей, все дамы сплошь Анжелики, Лии, Валерии и Доминики. Но самое смешное – ему, похоже, нравилось моё типично советское имя, потому как из всей семьи Полонских только Андрей называл меня «Раечкой». В его устах это слово звучало мягко и напевно.

Я опустила ресницы и залилась румянцем, демонстрируя огромную радость от его интереса к моей скромной персоне.

– Всё хорошо, Андрей Яковлевич.

– Мне бы очень хотелось видеть тебя сегодня в качестве гостыи, – произнёс Андрей неожиданно.

Вот тебе раз! Вечером его отец, крупный и, чего уж там скрывать, очень богатый предприниматель Яков Полонский праздновал свой шестьдесят третий день рождения. И хотя торжество планировалось провести дома, а не в каком-нибудь шикарном ресторане, от этого оно обещало быть не менее роскошным. Одних только приглашённых было больше ста человек.

Но звать меня?! Вот Андрей чудит! Однако вслух я сказала совсем другое:

– Сказка про Золушку моя самая любимая, – тут я шут-

ливо сделала реверанс, дотронувшись до своего форменного белого передника. – Но, боюсь, ваш батюшка не приглашал меня на бал.

– Ты же знаешь, отец хорошо к тебе относится, Рая. Он не будет против, если ты немного развеешься, – Андрей вернул мне улыбку, не отводя тёплого взгляда. – А то целыми днями, как пчёлка, убираешь да убираешь – надо и отдыхать!

– На то у меня целых два выходных, – возразила я со светлым взглядом. – Я уж и в Третьяковской галерее была, и в Пушкинском музее. На балет ещё хочу сходить, только там билеты дорогие.

– Молодец ты, Раиса, – серьёзно проговорил Андрей. – Девчонки, как в Москву приезжают, рвутся звёздами стать, такими столичными штучками, а ты вон по картинным галереям ходишь. Такие девушки сейчас редкость. Вечером я тебя жду. Отказ не принимается!

– Спасибо, Андрей Яковлевич, за доброе отношение, но это невозможно, – грустненько вздохнула я. – Мне даже надеть нечего.

– Ну, уж тут мы что-нибудь придумаем! – возразил Андрей. – Какой у тебя размер?

– Решили выступить в роли феи-крёстной? – уже начала злиться я, потому что его приглашение было абсолютно не к месту.

Злости Андрей не заметил и, похоже, твёрдо вознамерился затащить меня на папино торжество. Я задержала взгляд

на часах за его спиной, и охнула:

– Совсем я вас заболтала, а вы на работу ведь опаздываете!

Он обернулся, спохватился и заспешил, но на прощание дал понять, что эта идея прочно засела у него в голове.

Чертобесие! Как же не вовремя!

Я с досадой посмотрела на Марка Жоса.

Непризнанный при жизни гений, творец фантастики, абсурда и парадоксальных форм, он выучился на психиатра, но сам в конце жизни страдал душевной болезнью. Он пытался лечить умственно отсталых детей, но нуждался в помощи не меньше их. Сначала от него отвернулись коллеги, потом друзья, а потом жена...

Это стало последним и сокрушительным ударом. В 1937 году почтальон нашёл его мёртвое голое тело, плавающее в ванне, полной горячей воды и крови. Ванна находилась в центре пустой комнаты, а вокруг армией молчаливых свидетелей самоубийства Марка Жоса стояли его отталкивающие полотна. Полотна, которые чуть позже люди на лучших аукционах мира будут покупать за миллионы долларов.

Одна из его последних и самых дорогих работ сейчас висит передо мной.

Она называется «День Рождения уроды».

И именно её сегодня, во время торжества хозяина дома, я собиралась украсть. Заказчик давно ждёт Жоса. Гонорар... Гонорар мне обещан шикарный! Перед этим заказом я два

месяца была на мели, перебиваясь с хлеба на воду. Но, боюсь, если придётся идти на вечеринку в честь Якова Полонского, тщательно продуманному плану – конец.

А впрочем... Не выгоднее ли плюнуть на Жоса и сделать ставку на Андрея Полонского? Ещё чуть-чуть и наследник многомиллионного бизнеса Якова Полонского влюбится в застенчивую горничную Раису, приехавшую из далёкого провинциального городка. Прямо сюжет из слезливых киношек, которые крутят в выходные по центральным каналам...

С одной поправочкой – я ну никак не тяну на благородных героинь фильмов. Когда начальник охраны семьи Полонских копнёт чуть глубже, это станет ясно, как белый день. А если у меня что-то будет наклёвываться с Андреем, то он непременно копнёт. И плакали не только мои с трудом добытые липовые рекомендации агентства по подбору домашнего персонала, но и вообще вся репутация скромной провинциалки.

А там – скандал, заламывания рук, вопли «Как ты могла?». Может, всё бы и утряслось, но есть в моей биографии вещи, которые даже благородный Андрей мне не простит.

Так что Марк Жос побеждает Полонского по всем статьям. И может, даже лучше, если я буду сегодня вечером на виду... Хотя и не люблю менять планы на ходу, но в деле, которым я занимаюсь, это происходит очень часто.

Задумавшись, как лучше скорректировать свои действия, я резко развернулась и натолкнулась на младшую дочку Яко-

ва Фёдоровича, любимую сестрёнку Андрея – Ксенечку.

– Ой, прости! – выпалила я, пытаюсь скрыть досаду.

Какого чёрта, скажите мне, так носиться? Гиперактивность Ксени раздражала, и, как бы ни старалась, я не могла это скрыть до конца.

– Я об тебя ушиблась! – глядя на меня исподлобья, враждебно вымолвила десятилетняя сопля. – Ты жёсткая!

Вообще-то я обычно умею находить подход к детям и животным, но Ксения невзлюбила меня с самого начала. Что бы я ни делала, пытаюсь расположить девчонку, но, кажется, наоборот, ещё больше её отвращала. Мне, как человеку, который может легко втереться в доверие, это было неприятно. Профессиональную гордость задевало, что ли...

А впрочем, наплевать. Ждать осталось недолго – скоро я буду далеко отсюда. Лишь бы всё прошло гладко! А нет – от фиаско никто не застрахован. Се ля ви, как говорят французы. Но неудача будет стоить мне дорого. Очень дорого. Лучше вообще не думать, что ждёт меня в случае провала.

Недавно приятель подарил мне маленькую статуэтку какого-то греческого бога в сандалиях с крылышками. Когда я спросила, на кой он мне сдался, Кирик, хохотнув, заявил, что это Гермес – бог воров и авантюристов. Подарок я оценила и даже притащила статуэтку к Полонским. Не то чтобы я суеверна, но хотя бы капля помощи бога воров мне не помешает!

Дедушка всегда говорил: в нашем деле главное – фарт.

К вечеру стали съезжаться гости. Я наблюдала из окна, как иномарки, одна дороже другой, въезжают во двор. Марина, вторая горничная, с которой мы делили комнатку для прислуги, принесла красиво упакованную коробку.

– Андрей Яковлевич велел передать это тебе.

В её голосе – скрытая зависть. Ещё одна обитательница дома Полонских, которая меня не жаловала. Но если причина неприязни Ксении туманна, ненависть Марины объясняется просто. Она тайно влюблена в Андрея и страшно завидует его особому ко мне отношению.

Это опасно: Марина наблюдательна и может заподозрить во мне что-то неладное, а уж на фоне её ненависти эта наблюдательность обостряется в сотню раз. Хорошо, что я умею хранить секреты. Свои – особенно.

В коробке лежало зелёное вечернее платье, зелёные атласные туфли с ярко– красными подошвами и записка: *«Сказка про Золушку тоже моя любимая»*.

Теперь я не могу отказаться. Значит – второй вариант плана. Пару минут расслабленно сидела на своей кровати, ни о чём не думая.

Итак, приступим!

– Ты, наверное, счастлива, – заметила Марина, пристально наблюдающая за моими сосредоточенными сборами.

– Не очень, если честно, – отозвалась, вдевая простенькие серьги в уши. – Не знаю, как себя вести и всё такое... Я бы вообще лучше в комнате почитала.

Подумав, я решила, что если с Мариной играть в глупышку-недотрогу, которую пугают знаки внимания со стороны сына хозяина, то это вызовет меньше поводов для подозрения. Со временем мы даже стали подругами, и я доверяла ей все свои тайны. Марина пребывала в полной уверенности, что я для неё открытая книга, а сама она «хитрая лисица». Ну, по крайней мере, так она называла себя в переписке с лучшей подругой, которую я однажды без зазрения совести прочитала. Если бы она заподозрила меня, то в эсэмэсках это всплыло. На что только не пойдёшь, лишь бы держать ситуацию под контролем!

– Да уж, – притворно зевнув, отозвалась Марина, небрежно крутя за каблук зелёную туфлю с красной подошвой. – Мог бы и на нормальную обувь раскошелиться, все-таки сын олигарха! А тут дешёвка, Кагi какой-то несчастный!

Я чуть не расхохоталась. Туфли были от Лабутена, и я намеревалась прихватить их как особую компенсацию за потраченные здесь нервы. Клетчатую сумку, с которой я появилась в доме Полонских семь месяцев назад, брать не имело смысла. Там были вещи, приобретённые за день до этого на рынке. Даже самые опытные воры прокалываются на мелочах. Скромные горничные не носят таких дорогих вещей, которые ношу я. И если охрана вряд ли бы стала рыться в моем белье, то цепкий глаз Марины явно заметил неладное.

Застегнув сбоку платье, я распустила волосы, которые

обычно собирала в хвост, и они тот час окутали меня, как облако. В детстве из-за чрезвычайно пушистых волос дедушка звал меня Одуванчиком. Став старше, я воевала с шевелюрой, пыталась как-то выпрямить непослушные пряди, стоящие торчком, а потом поняла, насколько очаровательно и необычно выглядит моя причёска. Марина, от природы имевшая идеально гладкие локоны, но всё равно выпрямляющая их специальным утюжком, предложила выполнить эту процедуру и мне. Пришлось сослаться на маму, которая всегда учила меня естественности. Полная чушь, потому что моя мама подобными мелочами не занималась, да и сама я не раз прибегала к помощи такого «утюжка». Но если бы я доверила свои волосы Марине, думаю, она не упустила возможности что-нибудь с ними учудить. Например, сжечь.

Так что спасибо, дорогая, я очень-очень-очень тебе благодарна, но видишь, какое дело – мама запрещает. А я послушная дочь.

Н-да, хоть притворяться – моя работа, но в этот раз я что-то слишком устала. Сказывается напряжение последних семи месяцев,казывается осознание того, насколько сложно выкрасть из дома Полонских подлинник Марка Жоса. Сказывается и неучтённый фактор – симпатия Андрея Полонского.

Вот он улыбнулся и заспешил ко мне, лишь только я ступила через порог гостиной, полной людей. И странное дело, вместо того, чтобы разнервничаться, я успокоилась. Даже

пригубила из высокого бокала, который протянул Андрей. Шампанское – прохладное и очень вкусное. Ещё два глотка – для смелости.

– Очень рад, что угадал с размером, – произнёс Андрей, про которого я забыла, увлечшись разглядыванием толпы.

А ведь рыба подобралась знатная: крупные бизнесмены, артисты, шоумены, даже парочка политиков. Стоит только протянуть руку – и я не буду нуждаться долгие месяцы. Наличка, кредитки, перстеньки, часики... Дорогие часы, кстати, всегда были моей слабостью.

Ох, какие часики вон у того толстого дядечки в фиолетовом фраке! Хочу, хочу, хочу! И даже не столько очаровательные часы Patek Philippe, которые стоят как Porsche Cayenne, сколько поиграть в эту мгновенную лотерею, в которую не играла уже давно. Ощутить бешеный азарт, когда огромная доза адреналина выбрасывается в кровь, а чувство собственного превосходства пьянит, но потом отрезвляет, когда пальцы на мгновение ощущают нагретый бывшим хозяином дорогой металл, как по волшебству исчезающий в складках твоей одежды. И трофей теперь твой.

Нельзя, нельзя сейчас размениваться на мелочи!

– И даже с цветом, Андрей Яковлевич, – улыбнулась я, с трудом отгоняя

мысли о швейцарских часах. – Ведь зелёный – мой любимый. Спасибо за такой шикарный подарок!

Гостиная утончённо украшена живыми цветами, повсю-

ду снуют элегантные официанты с изысканными закусками и напитками. В центре комнаты установили большой шоколадный фонтан, у которого уже лакомится Ксения, переодетая в праздничное платье.

– Мой тоже, Раиса, – отозвался Андрей, галантно поклонившись. – Давно хотел предложить – может, хватит на «вы» ко мне, да ещё и по отчеству? Всё же я не такой старый.

Ну, это как посмотреть! Ему тридцать четыре, а мне семнадцать, а не двадцать, как тут все думают. Так что на «вы» в самый раз.

– Наверное, не стоит, Андрей Яковлевич, – мягко произнесла я, удовлетворённо отмечая про себя, что сигнализация отключена. – Это будет неловко.

Наконец-то, чего я так долго ждала! Сейчас я могу просто снять вожаденное полотно со стены и вуаля! Вернее, фокус–покус, была картина – и нет её...

Насчёт здешней сигнализации объяснил дедушкин давний знакомый, большой специалист, который приезжал сюда под видом электрика.

– Дохлый номер, – качал головой он. – Сигналка работает постоянно. Не сможешь ничего сделать – она слишком сложна для тебя, к тому же подведена к картине. Один плюс – если отключат её во всём доме, то отключат и от картины.

– И что, никак обойти нельзя? Какие-то секретные коды... Не знаю... Сломать, вывести из строя?

– Боевиков посмотрелась, – хмыкнул мужчина. – Лучше

выждать. Дедушка твой так бы и сделал.

Что правда, то правда: дедушка любил повторять: все гениальное просто. Только вот какой дурак будет отключать супердорогую и суперсложную сигнализацию в доме, набитом ценностями... Смысл ждать?

Я ломала голову, но решение никак не приходило. А ведь к тому моменту я уже взяла за Марка Жоса крупный задаток.

Как бы поступил дедушка?

В день рождения Ксении Полонской аниматоры придумали для детей гостей весёлый квест-путешествие по всему дому и даже участку Полонских. Когда действие разворачивалось на втором этаже, в суете один из неуклюжих клоунов задел своим огромным рукавом картину знаменитого художника— сюрреалиста Марка Жоса «День Рождения уроды». Эта была всего лишь случайность, актёр не повредил бесценное полотно, он побледнел, перепугался... Но сигнализация, подведённая к картине, сработала. Вой сирены и до зубов вооружённый наряд полиции, который приехал через семь минут, испугали детей. Праздник был безнадёжно испорчен. А я своими ушами слышала, как раздражённый Яков Полонский отдал начальнику охраны распоряжение отключать сигнализацию во время праздников, когда в доме много гостей.

— Всё равно через забор и муха не проскочит, — добавил Яков Михайлович.

Кирик, кстати, после этого иногда подрабатывает клоуном

на детских праздниках. Он всегда говорил, что любит детей. Может, конечно, дедушка так и не поступил бы. Он всегда ругал меня за слишком сложные комбинации. Но, по-моему, получилось неплохо. Оставалось только дожидаться следующего праздника. А следующим праздником был День рождения самого Якова Полонского.

– Ты очень необычная девушка, Раиса. Чистая, искренняя и настоящая. Я таких не встречал, – вернул меня к реальности бархатистый голос Андрея Полонского. – Ты мне нравишься. Я говорю это открыто, чтобы ты не боялась какого-то обмана или подвоха с моей стороны. Мои намерения серьёзны.

Ну и загнул ты, мил друг, с чистой и искренней!

Это признание хоть не было громом среди ясного неба, но всё же озадачило. Неужто он серьёзно? Не думала, что Полонский зайдёт в своей симпатии так далеко. Другая девушка была бы на седьмом небе, если ей признался в чувствах сын олигарха, а я... Ну, что я? Романтическая история, которую Андрей выдумал, бесконечно далека от меня. Он просто не знает, с кем хочет связаться. Надо же, под сорок лет человеку, а такой наивняк.

– Андрей, даже если бы я и испытывала к вам симпатию, разница в нашем социальном положении огромна, – сказала, впервые не напуская в голос наивности. – Сказкам не место в действительности, иначе они перестанут быть сказками. Забудем этот разговор.

– А я не хочу забывать, – горячо перебил Полонский. – Если у двух людей есть чувства друг к другу, они преодолеют все преграды.

Смотри ты, настырный какой!

– Даже если у нас с вами что-то и получится, спустя какое-то время разница в положении всё равно всплывёт, – я грустно покачала головой. – Я всегда хотела, чтобы мой избранник был равным мне. Чтобы мы вместе преодолевали трудности и достигали вершин. Прислушайтесь к голосу разума, Андрей Яковлевич. Я вам не пара!

– Ты очень способная! – произнёс мой собеседник взволнованно. – Позволь, я лишь немного помогу – и ты добьёшься многого. И не будет никакой разницы, которая смущает тебя. Я не стану давить. Пообещай, что подумаешь! Я же не мальчик, я вижу, что моя симпатия не безответна.

Мы танцевали посреди зала под джазовую композицию. Я вглядывалась в породистое лицо своего партнёра, ощущала его надёжные руки на своей талии, но перед моими глазами стрелка двигалась по циферблату воображаемых часов.

– Ты говорила, что любишь лошадей, – добавил Андрей и неожиданно предложил. – Тут недалеко конная база, давай завтра съездим, покатаемся по лесу! Лучше такой прогулки ничего нет, уверяю тебя. Все лишь одна прогулка, которую и свиданием-то не назовёшь. Просто получше узнаем друг друга. А потом уже решай сама. Как и говорил, давить не буду.

Время поджигает, а из-за затейного Полонским разговора у меня пока нет возможности незаметно скрыться с банкета. Мои мягкие увёртки уже не катят. Ну и чёрт с тобой! В следующий раз тысячу раз подумаешь, прежде чем влюбляться в горничных.

Так я пыталась убедить себя, но было довольно гадко, когда пришлось улыбнуться и принять это приглашение. По правде говоря, я бы сейчас согласилась прыгнуть с парашютом, хоть и страшно боюсь высоты, или отужинать живыми скорпионами. Всё, что угодно, лишь бы Андрей, наконец, отстал от меня и дал возможность действовать.

В это время в малом зале подсветили небольшую сцену, выложенную специально для сегодняшнего вечера. Известный шоумен с центрального канала с шутками—прибаутками объявил, что настало время одаривать именинника. Потихоньку все приглашённые подходили сюда. В толпе я отметила и начальника охраны Якова Полонского. Он был полностью сосредоточен на гостях, поднимающихся на сцену, чтобы произнести свои пожелания и торжественно вручить подарки.

Настоящий фурор своим презентом произвёл тот самый мужчина со швейцарскими часами. После его поздравлений двери на веранду открылись, и прямо с улицы в малый зал ввели потрясающую лошадь молочно—кремовой масти. Как удачно — лошадка отвлечёт на себя внимание!

Извинившись, Андрей, которому нужно было подгото-

вить свой подарок для отца, наконец, меня оставил.

Пора!

Оглядевшись, я выскользнула в коридор. Здесь тоже, почти незаметная, висела под потолком коробочка сигнализации. И она так же, как и в малом зале, не горела. Путь свободен.

Дождавшись, когда последние гости подтянутся к шоу вручения подарков, по витой лестнице я поднялась на второй этаж. Если б в такое время меня здесь увидели, то это вызвало, по меньшей мере, недоумение.

Я в один прыжок пересекла зону видимости с первого этажа и стремительно двинулась вперёд по коридору. Каблуки утопали в ковре, и шагов слышно не было. Из-за этого бордового ковра, тёмно— вишнёвых панелей, которыми были отделаны стены, и приглушённого света коридор казался мрачным... и бесконечным. Я внимательно смотрела на двери, но ни из-под одной не выбивался свет.

Второй этаж абсолютно пуст. Последняя дверь справа – в комнату Ксении, поворот направо и вот она – небольшая каминная, где семейство Полонских собиралось в холодные вечера. Яков Михайлович садился в огромное кресло, закуривал трубку и наблюдал, как блики огня из камина скользят по холсту великого Марка Жоса.

А забавный ему подарок на день рождения – кража любимой картины «День Рождения».

Сейчас здесь царил полумрак, в котором знаменитое по-

лотно выглядело уже не просто отталкивающе, а даже зловеще. Глаза сидящих за столом словно недобро следили за мной, лица меняли выражения, позы становились более вынужденными, неестественными.

Ладно, это всего лишь из-за освещения. Однако кончики пальцев предательски подрагивали, когда я взялась за рамку и одним духом стянула холст с гвоздя. Никакого рёва сигнализации не раздалось, но два провода, прикреплённые к самому центру картины сзади, помешали полностью снять полотно со стены. Дедушкин друг сказал, что если сигнализация отключена,

с ними можно не церемониться, поэтому я обрезала провода под корень складным ножиком, который достала из корсажа.

Опустила картину на пол – уж слишком тяжела она была вместе с рамкой. На то, чтобы точными и аккуратными движениями избавиться от рамки, не повредив само полотно, ушло ровно три минуты. Чтобы по– особому сложить ставший лёгким холст и спрятать в специальном чехле, прикреплённом к моей правой ноге – и того меньше.

Затем я достала из-за шкафа припрятанную во время сегодняшней уборки копию «Дня Рождения», написанную одним знакомым. Трачу ещё четыре минуты, чтобы кое– как вставить дубликат в рамку. Так себе копия, если честно, даже дилетант, приглядевшись, поймёт, что картина не кисти великого Жоса.

Но это лучше, чем вызывающая пустота на месте, где раньше висело драгоценное полотно. К тому же, когда сигнализацию включают, она всё равно сработает – провода-то обрезаны. Но чем чёрт не шутит, возможно, маленький трюк с копией поможет выиграть время.

Я посмотрела на миниатюрные наручные часы.

Осталось незаметно выскользнуть из дома. Это не так уж и сложно – судя по доносившейся с первого этажа музыке, веселье в самом разгаре. Кирик на резвой тачке уже ждёт меня у задней калитки, открывающейся при помощи кода. Код периодически меняется, но я каждый раз его узнаю. Прислуга нередко пользуется этой калиткой, когда нужно дойти до посёлка – там почта, банк, магазин...

Через сорок пять минут по поддельному паспорту я уже должна сесть на поезд, следующий до Питера. Времени маловато, но... Успею! Просто не могу не успеть.

Быстрым шагом я пересекла комнату... и лицом к лицу столкнулась с Ксенией Полонской.

Совсем как сегодня утром. Девчонка направлялась в свою комнату, услышала что-то в каминной, заглянула... Только вот ни малейшего шума я не произвела... Но и она двигалась тихо, и даже свет не включила. Или специально выслеживала... Неужели всё пропало? Да нет, сейчас отбрешусь как-нибудь...

Однако не успела я и рта раскрыть, как Полонская, глядя мне прямо в глаза, закричала визгливым голосом:

– Папа! Папа! Андрей! Степан Семёныч!

И так некстати в этот момент музыка внизу смолкла: крики отчётливо раздались в доме. Семёныч, начальник охраны, вместе с Андреем возникли буквально через две минуты. Запыхавшиеся, они так перепугались, что сначала даже не увидели меня. Принялись тормошить маленькую мерзавку, спрашивать, всё ли с ней в порядке.

– Всё со мной в порядке! – звонко сказала Ксения. – А вот с твоей, Андрей, драгоценной Райкой нет! Платье ей поднимите! Она украла папину картину! – торжествующе закончила девчонка.

Андрей перевёл взгляд на меня.

– Но это неправда, Рая? Скажи же, что это неправда! Ты ошиблась, Ксения! Конечно, ты ошиблась! Вот и картина висит на своём месте...

– Это не Марк Жос, – послышался голос Якова Михайловича Полонского, который тоже поднялся на второй этаж.

Хозяин дома подошёл ко мне и бесцеремонно дёрнул подол платья, выставив на всеобщее обозрение мои ноги в кружевных чулках. К правой был прикреплён телесного цвета чехол с картиной.

И тогда я поняла, что всё кончено.

– Как ты могла, Раиса? – поражённо прошептал Андрей, не в силах оторвать взгляда от моих ног. – Мы ведь так хорошо к тебе относились. Как ты могла так притворяться?

Я хотела сказать ему «извините», но слова застряли в гор-

ле. Разве за то,

что я собиралась сотворить, извиняются?

Не знаю, что там Полонские сказали гостям, но те разъехались быстро и тихо. Полиция прибыла через пятнадцать минут. Надеюсь, к этому моменту Кирик уже скрылся по-добру-поздорову. Впрочем, он всегда был сообразительным парнем.

Оперативная группа состояла всего из двух человек. Оба примерно одного возраста, один рыжий со светлыми глазами, а второй – темноволосый и очень кудрявый. Один сразу начал допрашивать Полонских, а второй принялся за меня. Не зная, какую тактику поведения выбрать, я молчала. Взять себя в руки и трезво оценить ситуацию не получалось. Взгляд Андрея Полонского преследовал меня, мешал сосредоточиться. В этом взгляде ветер

обиды гонял выцветшие фантики обманутых надежд.

Брр! Такой сволочью я себя ещё не чувствовала...

И пока чернявый крутился по дому, высматривая каждую мелочь, рыжий терзал меня простейшими вопросами, которые почему-то отупляли. Наверно, как раз потому, что они были простейшие. Фамилия? Имя? Отчество? Год рождения? Место прописки? Семейное положение? Место работы? Знаком ли мне Яков Полонский? Что я пыталась вынести из его дома? Есть ли у меня сообщники? И снова... Фамилия? Имя? Отчество? Год рождения? Место прописки? Что я пыталась вынести из дома Полонского?

То, что я пыталась вынести из дома Полонского, сейчас лежало на журнальном столике, приковывая взгляды присутствующих. Лица с картины будто бы смеялись надо мной.

Чернявый полицейский заявил, что картину в качестве вещественного доказательства они пока заберут с собой. Якову Михайловичу это явно не понравилось, но спорить он не стал. Гораздо интереснее ему было наблюдать, как закидывает меня вопросами рыжий полицейский. Слуга закона уже долгое время сидел напротив, я успела изучить весь его облик: черты лица, покрой формы, погоны с двумя большими звёздами, немного косящий правый глаз.

На вопросы я не отвечала. Единственное, чего хотелось, – перемотать воображаемую ленту своей жизни назад и предотвратить это громкое фиаско. Пока я обхаживала Марину, надо было втрое внимательнее следить за девчонкой. Моя ошибка. Кстати, когда Марину вызвали для допроса, она демонстративно отводила от меня глаза, при этом сияя тульским самоваром.

Полицейским, кажется, надоело слушать моё молчание. Даже не разрешив переобуть туфли на высоких каблуках, которые стали ощутимо натирать ноги, они запихнули меня на заднее сиденье старого "фольксвагена" с длинным кузовом. По белому боку шла синяя надпись «ПОЛИЦИЯ–МОСКВА».

Сказав что-то напоследок Якову Полонскому, кудрявый сел за руль. Наверное, пообещал, что меня закроют всерьёз

и надолго. Рыжий, бережно нёсший тубус с картиной, при-
могнулся на сиденье рядом с водительским.

– Может, разрешите хотя бы кофту взять? – вяло поинтересовалась я.

Не обратив на меня малейшего внимания, кудрявый завёл машину и выехал со двора. Странное молчание повисло в салоне.

Поджав коленки, я обняла себя руками, пытаюсь натянуть платье до ступней. Конечно, я преступница и вообще асоциальный элемент, но это не повод относиться ко мне, как к скотине!

– Хорошие нынче погоды стоят, Агафон Аристархович, – вдруг сказал рыжий, мечтательно глядя в окно, за которым мелькало бесконечное поле. – Осенняя пора – очей очарование! Вы всегда казались мне похожим на Александра Сергеевича.

– Да что вы, Гармоген Галактионович, – обиделся кудрявый. – Я всегда думал, что больше на Александра Александровича смахиваю.

– Блока? – уточнил рыжий.

– Ага, – с удовольствием кивнул кудрявый и фальшиво продекламировал, – Милая дева, зачем тебе знать, что жизнь тебе готовит?

Агафон Аристархович... Гармоген Галактионович... Что за чудные имена? Они вроде как-то по-другому представлялись, когда вошли в каминную... Или вообще не представ-

лялись... Но удостоверения точно показывали. Разговор какой-то странный.

Полицейские после тяжёлого рабочего дня о поэтах, что ли, беседовать будут?

Где мы вообще едем? Если я ничего не путаю, то эта дорога ведёт в село Троицкое, а не на Москву. Они, наверное, везут меня в поселковое отделение полиции. Только там даже не отделение, а так, будочка...

Я огляделась и впервые заметила, что салон машины щегольски отделан красной кожей, издающей скрип при каждом движении. И запах в салоне, странный запах... Пахнет собакой, собачьей шерстью...

Вот и посёлок. Давно стемнело, но фонари заливали своим светом главную улицу. Однако лишь машина въехала в первый сноп света, фонарь замигал и погас. Так случилось и со следующим... и со следующим. Не снижая скорости, "фольксваген" пролетел посёлок, оставив за собой абсолютно тёмную улицу.

Что за чертовщина... По этой дороге километрах в пяти глухая деревенька с труднопроизносимым названием. А за ней лес.

– Кто вы? – выдавила я и поразилась, как тоненько прозвучал мой голос.

Я напряжённо всматривалась в затылки сидящих впереди людей в полицейских фуражках, и очертания фуражек похо-

дили на силуэты шляп. Приглядевшись, увидела, что это и есть шляпы, а никаких фуражек нет и в помине. Так же, как и полицейской формы. Рыжий был одет в светлую жилетку поверх чёрной рубашки, а на чернявом болтался клетчатый пиджак.

И как бы я не заставляла себя поверить, что мне привиделись трансформации с одеждой полицейских, факт оставался фактом: их форма куда-то исчезла.

– Кто вы такие? – вскрикнула я. – Куда меня везёте?

Запах собаки прямо-таки бил в нос.

Рыжий обернулся. Обычные человеческие черты его лица исказились, в них проглянуло что-то звериное. Влажно блеснул в темноте белок правого глаза, в центре которого вместо радужки и зрачка притаился крошечный Микки Маус. Скользя по коже сиденья, я забилась в самый угол салона.

Меня трясло, зубы постукивали друг о друга, и сердце колотилось быстро-быстро, грозя вырваться из груди.

– Милая дева, зачем тебе знать, что жизнь тебе готовит? – пропел рыжий, наклонив голову и как бы прислушиваясь к себе, после чего обратился к кудрявому. – Неа, ошиблись вы, Агафон Аристархович. Что жизнь не «тебе» готовит, а «нам» готовит. Это перевод Горация.

– Странно, всегда думал, что это собственное стихотворение Блока, – задумчиво отозвался кудрявый, повернув голову к рыжему. Из-под верхней губы его торчал загнутый желтоватый клык. – Надо признать, в поэзии вы разбираетесь

лучше меня, Гармоген Галактионович, – добавил он огорчённо.

В ужасе я задёргала ручку двери. В голове билась одна мысль – скорее покинуть пространство машины. Пусть даже и вывалившись из неё на полном ходу.

– Вас это очень расстраивает, Агафон Аристархович? – поинтересовался рыжий, с интересом наблюдая за моей истерикой.

– По правде говоря, ничуть, – отозвался кудрявый, и загнутым когтём мизинца принялся ковыряться в зубах. – Собачатина застряла, – пояснил он мне. – Жестковата была.

Всё происходящее было настолько нереально и настолько похоже на дурной фильм ужасов, что я с утроенной силой забилась о дверцу, но безуспешно.

– Как птичка о стекло, – отметил рыжий и впервые обратился ко мне, – Успокойтесь, не надо паники. Мы едем туда, где вас давно ждут.

ГЛАВА 2

Кирилл

За Мишаней я опоздал. Из всей группы не забрали только его и мальчика по имени Серёжа. Как рассказывал Михан, у этого Серёжи из носа постоянно текло, к тому же он не умел самостоятельно застёгивать пуговицы своей куртки и иногда писался в штаны.

То, что я сильно опоздал, вкупе с тем, что Мишаня остался в компании самого главного лузера группы, чрезвычайно расстроило младшего брата. Когда я, запыхавшись от быстрого бега, вломился в раздевалку детского сада, безутешный Михан сидел у своего шкафчика зарёванный, но уже полностью одетый.

Домой мы мчались на рысях. Вернее, мчался я, таща за собой надувшегося Миху, как на буксире. Нужно было успеть до прихода матери.

– Киря, а что у тебя в газете завёрнуто?

Брат быстро забывал обиду. Он даже на отца не обижался. Ждал его. А у нас с матерью духу не хватало объяснить Мишке, что отец больше никогда не придёт. У него другая семья и мы ему не нужны.

– Цветы.

– Маме на день рожденья? – обрадовался брат.

Он был на редкость сообразительным парнем.

– А я тоже подарок приготовил! – похвастался Мишка и каким-то образом умудрился на бегу вытащить из своего рюкзака с болтающимся на нём потёртым медведем лист бумаги. Мельком глянув на рисунок, я увидел фиолетовые цветы на оранжевых стебельках. «МАМЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ!» – было аккуратно выведено в углу.

– Красиво! – оценил я и деловито поинтересовался, – Воспитательница, что ли, подписывала?

– Тамара Степановна, – важно кивнул брат, и тут же выдал, – Киря, а купи мне мармеладных червячков?

Я чуть не взвыл. Раз уж Михан про них вспомнил, то всё. Надо идти в магазин – и точка. Можно, конечно, отказать. Но реветь ведь будет.

В другой раз я без проблем бы купил Мишке вожделенное лакомство, но мы потеряем время. Мать придёт с работы раньше нас, увидит цветы и сюрприза не получится.

День рождения у неё завтра. Сорок восемь лет. Дата не круглая. Но мне страшно хочется поздравить маму как-то по- особенному. Отец никогда не дарил ей цветов. Зато подарю я.

Сорок восемь белых роз. Белый – любимый мамин цвет. Цены на цветы кусаются. Но я решил поднапрячься. В центре есть палатка, где розы продают сорок рублей за штуку. Потому что местные. Они довольно мелкие, зато обалденно пахнут. И гадостью какой-то не обработаны, чтобы дольше стояли, в отличие от роз из флористических магазинов.

В общем, после школы я сразу рванул в центр за розами, поэтому и опоздал в детский сад. По моим расчётам, мать домыла третий этаж и уже вышла из школы. Но если поднажмём – успею спрятать цветы до завтра на антресолях.

Только вот мармеладные червяки в мои планы не вписывались. Нужно будет заходить в супермаркет – они продаются только там.

Я открыл рот, чтобы объяснить Мишке нецелесообразность покупки червячков, но, взглянув на брата, рот закрыл и свернул к супермаркету.

Если не будет очереди – успеем!

Но, видимо, сегодня удача была не на моей стороне, хотя, в общем-то, мне на неё жаловаться грех. Сколько раз с учёбой проносило!

Две ядовито-зелёные упаковки червячков я царапнул с витрины быстро и бегом на кассу. А там, прямо перед нами – компания моих одноклассников во главе с Димой Шпиготским. Повезло!

Седьмое пекло! Ладно бы один, а тут с Мишаней, да ещё и с цветами...

Ох, и не любил я этого придурка! Хотя он был довольно интересен с парадоксальной точки зрения. По единодушному мнению женской половины класса, Шпиготский был похож на одного из героев популярного среди девушек фильма. За это наши девочки нежно любили Димана, невзирая на его отвратительный характер.

Я как-то ради интереса включил это кино и, в целом, мне понравилось. Давно так не ржал.

Что касается Шпиготского, он действительно был похож на одного из героев фильма. Если бы тот прибавил килограмм пятнадцать и подкрасился хной – так вообще один в один.

То ли похожесть на актёра, то ли великолепная успеваемость Димана подняли его самооценку до небес. Учителя души в этом пузанке не чаяли, называли его вундеркиндом и посылали на всяческие олимпиады, откуда он привозил призовые места и награды. Они не замечали, с какой снисходительной издёвкой разговаривает с ними Дима, не знали, как он обстёбывает их за глаза. Дружить со Шпиготским было выгодно, и вокруг него собралась кучка шакалов–прихлебателей. Недолго думая, Диман назвал их своим кланом и снизошёл до своего божественного покровительства.

Например, он делал домашнее задание в электронном виде, а потом отсылал своей правой руке – Васе Шукину, который уже должен был позаботиться о распространении домашки среди всех членов клана.

По-моему, мир сошёл с ума, раз какой-то зарвавшийся ботаник считается самым крутым в школе. Чёрт, да Шпиготский даже был популярней играющего в хоккей Серёги Бочкарёва из 11 «В»!

Учился я не ахти, потому и был у великого клана Шпиготского не в чести.

– Здорово, Кирюха! – хлопнул меня по плечу Щукин.

Я сдержанно поздоровался и собрался отвернуться, но тут Щука заметил у меня в руках мармеладных червячков.

– Не знал, что ты тащишься с этой детсадовской фигни!

Ага, а энергетики, которыми они в данный момент затариваются, видимо, напиток настоящих мужчин.

– Люблю мармелад, что ж поделать, – с ухмылкой кивнул я, хотя не догадаться, что я покупаю червяков для Михана, не смог бы только даун.

– Кирюшка для меня! – некстати вставил Мишутка.

– Это братец твой, что ли? – вклинился в разговор его величество Шпиготский.

– Да, это мой брат, – чуть громче, чем надо было, произнёс я.

Злость уже начала закипать во мне. Диман может смеяться над чем угодно, но если он посмеет тронуть моего брата, я за себя не ручаюсь.

А этот гад, как ни в чём не бывало, наклонился к Мишутке:

– Ну и как, хороший Кирюшечка братик? – просюсюкал он.

Не поняв издёвки, Мишка восторженно ответил:

– Самый лучший! У мамы завтра день рождения, а Киря ей купил большущий букет цветов! Он сам на них заработал, когда объявления расклеивал. Я ему, правда, помог, но совсем чуть-чуть!

– Ух ты! Медников у нас, оказывается, расклейщик объявлений! – радости этого козла не было границ.

– Ты нарываешься, Шпиготский! – заметил я, изо всех сил стараясь сдержать kloкочущую внутри ярость.

– А Кирюшка не хочет в подарок маме помыть за неё полы в школе? – поинтересовался у Мишки Шпиготский.

Брат озадаченно замолк. Кажется, он начал понимать, что человек, разговаривающий с ним, не совсем добрый. Вернее, совсем не добрый.

– Ещё раз упомянешь всуе кого-то из членов моей семьи, Шпиготский, убью, – буднично сообщил я.

Мне удалось обуздать свою злость. Я не могу разбираться с этим гадёнышем при Мишке.

Диман чувствовал себя в окружении друзей абсолютно безопасно, поэтому ответил очень борзо:

– Я буду упоминать кого хочу, когда хочу и с кем хочу. И не тебе мне указывать, босота подзаборная!

Они расплатились за свои энергетики и наконец-то свалили. Последнее слово осталось за Шпиготским.

– Молодой человек, не задерживайте кассу!

Спохватившись, я полез за бумажником, но тут обнаружил, что все руки у меня в крови. Я даже не заметил, что очень сильно сжал розы, и шипы прокололи газету, вонзившись в мои пальцы.

Повезло хотя бы в том, что домой мы всё-таки пришли раньше матери, и я успел пихнуть розы на шкаф, прикрыв их

коробками из-под «Лего». Стебли, чтобы не завяли, опустил в тазик с водой.

В общем, это была сложная конструкция, но риска практически никакого: до завтра мать вряд ли затеет уборку, а Мишаня умеет хранить секреты.

Правда, после встречи со Шпиготским брат стал каким-то мрачным и вялым. Уж не болеет ли? Но температуры у него вроде не было.

Я попытался развеселить Мишку, но безуспешно: ни во что играть брат не захотел. И в пиратов, а это, между прочим, его любимая игра. Даже вожаки мармеладные червячки не съел! В итоге по его просьбе я достал набор акварели, принёс воду в чашке, и Михан принялся что-то сосредоточенно рисовать.

Мама пришла где-то через полчаса после нас. Я, балда, и забыл – она собиралась зайти в магазин, купить что-нибудь к столу на завтра. Институтская подруга и мамин двоюродный брат с женой. Вот и все, кто обещал прийти.

Когда отец ещё жил с нами, день рождения каждого члена семьи праздновали шумно, и гостей всегда звали много. Накрывали огромный стол. В центре обязательно стояла запечённая отцом по его особому секретному рецепту курица – пальчики оближешь.

Может, поэтому я сейчас курицу на дух не выношу. В любом виде, хоть жареную, хоть пареную.

Пошарив по принесённым мамой пакетам, я понял одно:

завтра будут котлеты.

– Мишка тихий какой-то, – отметила мать, разбирая продукты. – Не заболел?

Вечный конский хвост каштановых волос, красивое лицо с сеткой мелких морщинок в уголках глаз... У отца с мамой был общий бизнес: стоматологическая клиника, где она работала бухгалтером. После того, как он ушёл в другую семью и уволил маму, она никак не могла найти работу по специальности. Пришлось устроиться в нашу школу уборщицей. Деньги нам были нужны, как никогда.

– Лоб не горячий вроде, – проговорил я. – Сама ещё потрогай.

Но и мама признаков надвигающейся болезни не нашла. Наверное, Михан просто набегался в детском саду. Он же такой – как мячик – попрыгунчик.

Уже перед сном брат проник в мою комнату, сжимая в руках результат своих долгих трудов. Вид Мишка имел жутко серьёзный.

– Ты должен взять это завтра в школу, – произнёс он, протягивая рисунок.

– Это детский сад? – догадался я, разглядывая альбомный лист. – А почему вода чёрная?

Брат изобразил двухэтажный дом в разрезе, стоящий у речки, покрашенной угольно-чёрной краской. В самом доме было восемь комнат. Маленькие человечки спали на прямоугольных кроватях, играли, читали, ели. В центре дома

Мишка изобразил кабинет директора детского сада: за столом сидел человек в очках.

– Это не детский сад, – неожиданно возразил Миша. – Это плохое место. Очень плохое... Страшное.

– А зачем мне надо взять его в школу? – поинтересовался я.

– Ты должен, – упрямо сказал брат и повторил. – Должен. Боясь выдать улыбку, я со значением положил рисунок рядом со своим рюкзаком. Мишка, похоже, затеял какую-то новую игру, и я, конечно, подыграю ему.

Ночью мне приснился непонятный и пугающий сон. Два странных существа в полицейской форме везли девушку в зелёном платье по ночному лесу. Я чувствовал под пальцами красную потёртую кожу сиденья машины и обонял резкий запах мокрой собачьей шерсти. Я ощущал животный панический страх девушки. Она точно знала – те, кто на переднем сиденье – не люди и хотят сделать с ней что-то ужасное. А я ничем не мог помочь.

Утро с самого начала не задалось. Я проспал – мама уже ушла, прихватив с собой Мишку. Она отведёт его в детский сад, потом на работу. А я-то хотел подарить ей цветы сразу после того, как она проснётся, чтоб с самого утра было хорошее настроение.

Пометавшись немного, как ошпаренный, по квартире, я принял решение подарить маме букет прямо в школе. Покидав какие-то тетрадки в рюкзак, поскакал на занятия.

Рисунок Миши в такой спешке я, конечно же, забыл.

Наскоро сорвав с роз газету, ввалился в комнату техник. Мама уже переоделась в синий рабочий халат и убирала волосы под косынку.

– Мам, с днём рождения! – выпалил и добавил, запнувшись, – Люблю тебя!

Она выронила косынку. Карие глаза засияли.

Можно однозначно сказать, что сегодня я стал в глазах персонала школы героем дня. Присутствующие в комнате технички в красках поведали о том, как я поздравил маму, учителям, и теперь все дружно глядели на меня и умилялись.

Такой популярности я не хотел. Но главное – маму поздравил.

Последние два урока были сдвоенные – труды. Мы выжигали на разделочных досках рисунки.

Михалыч обычно уходил куда-нибудь минут на сорок, поэтому труды все любили. Мне было уютно в небольшой обложенной кафелем мастерской. Наверное, из-за того, что она не была похожа на обычный класс. К тому же мне нравилось работать по дереву.

Короче, я настолько увлёкся работой – а выжигал я на своей доске сюжет из Тома и Джерри, что не сразу услышал разговор неподалёку.

– Медников своей мамаше преподнёс цветочки, – делился Щука последними новостями со Шпиготским и его кланом. – Пряма картина маслом. Все уборщицы в шоке.

Самое интересное, на меня они не обращали никакого внимания. Хоть ради приличия голоса понизили. Но Шпиготский со товарищи вели себя, как хозяева положения. Они знали, что численное преимущество на их стороне.

– Никто и не сомневался, что он маменькин сынок! – с презрением отозвался Диман.

– Кого ты назвал маменькиным сынком?

Я как-то незаметно и очень быстро оказался рядом со Шпиготским. Незаметно даже для себя, а уж для него и подавно.

Стало очень тихо.

– Тебя, Кирюшка, конечно, тебя! – отозвался толстяк. – Ты же у нас прямо сю-сю-сю, подтираешь попку младшему братику, мамаше своей цветочки даришь.

Он был глуп. Он просто не понимал того, что на него надвигается. Не понимал, что каждым словом фактически подписывает себе смертный приговор. Но я мог сдержаться. Пока ещё мог.

– Я ведь предупреждал тебя, Шпиготский, – произнёс я очень сдержанно. – Предупреждал, чтобы ты не трогал меня и мою семью?

– А я предупреждал тебя, что буду высказываться, о ком захочу и когда захочу. У нас в стране, кажется, свобода слова. Если ты вообще понимаешь, о чём я, – свысока бросил Диман.

Ребята, которые не относились к клану Шпиготского, у

нас в классе имелись. Но их было мало, и связываться с этим умником они откровенно побаивались. А он об этом прекрасно знал. Ещё бы, учителя ему заочно выдали пакет индульгенций. Так что крайним в любом случае оказался бы не он.

– Пацаны, хорош! – попытался вмешаться наш староста Стёпка Митрофанов. – Раскуситесь! Сейчас Михалыч вернётся, и не поздоровится всем!

– вот именно, – усмехнулся Шпиготский. – Отвали, Медников! Благо класса превыше всего, слышал о таком?

– Отвалю без проблем, – кивнул я. – Если ты извинишься передо мной, моим младшим братом и моей матерью. Как ветром меня сдует!

Шпиготский откровенно рассмеялся. Этот козёл был настолько уверен в собственной безнаказанности, что мне стало даже забавно. Его верный клан, в коем состояло семь человек, окружил своего предводителя. Щукин поигрывал напильником, очевидно воображая, что выглядит жутко крутым.

– Пацаны, хватит уже, а? – бубнил Митрофанов. – Из-за фигни какой-то сцепились! Михалыч классной доложит, и будут у нас проблемы, а ведь мы выпускной класс!

Помимо Стёпки и меня, оставалось всего двое мальчишек, не задействованных в конфликте. К клану они не принадлежали, болтались где-то посредине, поддерживая сносные отношения и со Шпиготским и со мной.

Я ожидал бездействия от Серёги Самсонова, но никогда не прощу Диме Варзину, что он опустил глаза. Мы ведь неплохо с ним общались, даже в футбол иногда гоняли.

Ярость закипала во мне. Гнев, который я ощущал, был слеп и безжалостен. Наверное, сейчас я мог бы понять американских подростков, которые приходят в школу с ружьём или винтовкой и расстреливают одноклассников.

Шпиготский нагло разглядывал меня своими голубыми гляделками. Он ясно давал понять, что плюёт на меня и всю мою семью, что презирает мою мать – уборщицу, которая не может купить мне Айфон, и братишку – бесполезного спиногрыза.

– Перед кем извиняться? – хмыкнул Шпиг. – Перед тобой? Перед мамашей твоей? Уясни уже одну вещь, Медников! Вы – никто. Ты – безмозглый дебилёныш, а мамаша твоя – плевки подтирает.

Это откормленное чмо всем своим видом показывало, что знает всю правду жизни.

Я собирался доказать ему обратное.

Саха Большаков, Большой – один из главных силовиков Шпиготского, пихнул меня в плечо.

– Полегче, Кирюха, – предупредил он. – Не нарывайся, правда!

Они просто не понимают, что делают, твердил я себе. Они не знают, на что нарываються. Бешенство клокотало во мне. Но я держался. Ещё пока держался.

– Я даже больше скажу, – со значением произнёс Шпиготский. – Твоя маманя драгоценная встречается с каким-то мужиком. Только это не твой папочка, Медников! Он пару раз забирал её после работы на крутой тачке. Как ты думаешь, чем они там занимались? Ты знаешь, что такое Эдипов комплекс, Кирюха?

Всё. Я не мог больше терпеть.

Я сорвал намордник, я выпустил с поводка своего внутреннего пса, исходящего рёвом ярости и боли. Он был бешеным, этот пёс.

Дальнейшее помню, как в тумане. Была боль в руке, визг Шпиготского, лицо Большого, смятое в лепёшку, и красная кровь на белом кафеле. Много, много крови.

– А ну прекрати, сосунок! – сквозь вату услышал я испуганный голос Михалыча.

Очнулся оттого, что трудовик повис на мне, пытаюсь выкрутить руки. Шпиготский, точно поломанная кукла, лежал у моих ног. А я продолжал молотить его носками кроссовок. Под ребра. По печени. По почкам. Вот так! Чтобы знал, ублюдок, нельзя оскорблять мою семью!

Остановил меня резкий и неожиданно профессиональный удар Михалыча. Я нагнулся, пытаюсь вдохнуть, а затем поднял взгляд от скорчившегося на полу Шпиготского на ребят.

Они смотрели на меня с ужасом. Не было клана Шпиготского и остальных учеников. Была лишь кучка пацанов, глядящих на меня со страхом и отвращением. Митрофанов,

встретившись со мной взглядом, даже отступил на два шага.

В мастерскую вбежали вызванная кем-то классная и медсестра. Увидев Шпиготского на полу и меня с кулаками в крови, они, по-моему, испугались даже больше одноклассников.

Из героя дня я моментально превратился в главного злодея. Меня потащили в кабинет директора. Вызвали родителей Шпиготского. Мама к тому времени уже ушла с работы – отпустили пораньше, и классная никак не могла дозвониться ей на сотовый. Я молился, чтобы она подольше не брала трубку. Было даже страшно представить её реакцию на случившееся.

Вот ей и подарочек на день рождения – бешеный сын, до полусмерти избивший одноклассника.

Господи, почему я не смог сдержаться? Какая же я скотина!

Я угрюмо сидел в приёмной директора на стуле у стены и всерьёз раздумывал о том, чтобы пару раз хорошенько приложиться об эту стену башкой. Правда, тогда руководство школы, собравшееся в полном составе, решит, что я совсем неуравновешенный. Ещё в психушку упекут.

Директриса у нас была хорошая. Василиса Дмитриевна Лебедева. Каково, а? Прямо героиня русской народной сказки. Разве может быть человек, которого так зовут, плохим? Она, кстати, осознавала сказочность своего имени, поэтому ходила всегда с косой.

Василиса не хотела вызывать полицию. А классная и завуч хотели. Брызгая слюной, они доказывали мою полную асоциальность. А, по-моему, просто злились, что я сорвал поездку Шпиготского на олимпиаду по литературе – он ведь теперь сколько в больнице проваляется. И плевать им было на его физическое здоровье.

– Надо выяснить, почему Кирилл это сделал, – доказывала директриса. – Вы знаете, у него очень непростая ситуация в семье.

– вот именно, – орала класснуха. – С такой семьёй он живо станет уголовником! Уже практически стал!

Да отстаньте вы все от моей семьи, чёрт вас дер!

– Наталья Борисовна, сделайте, пожалуйста, тон попросе, – холодно осадил классную Василиса. – У Медникова прекрасная семья. Он заботится о младшем брате. Нужно понять, что подвигло его на такую жестокость.

Они бы разбирались ещё долго, но спор решили родители Шпиготского. Они уже вызвали полицию. Мать Димана ворвалась в приёмную директора, точно ураган, и кинулась на меня с кулаками, если бы её не удержали.

– Малолетний преступник, зек, шантрапа! – кричала она. – У Димушки сломан нос и ключица! Ты ответишь за это, поддонок! Мы будем подавать в суд! Мы ещё моральную компенсацию получим!

Этого только не хватало. Моральную компенсацию мы ни в жизнь не выплатим, даже если мать будет мыть полы во

всех школах нашего района, а я расклеивать объявления даже по ночам.

— Где мать этого недоноска? — зловеще поинтересовалась Шпиготская. — Я ей устрою! Она у меня горячими слезами плакать будет вместе с сыночком своим!

Да, теперь понятно, в кого Диман такой... дружелюбный. «Только не бери телефон!», — мысленно упрашивал я мать. — «Потеряй его! Они не смогут до тебя добраться, ведь домашнего у нас нет...»

Я как-то начисто забыл, что у них есть наш адрес, и добраться до мамы проще простого. От стресса, наверное.

— Кирилл, — внезапно впервые обратилась ко мне Василиса, — Зачем ты это сделал? Ты ведь хороший мальчик, маму сегодня с утра так красиво поздравил...

Я сумрачно молчал.

— Да, да, пусть скажет, за что Димушку избил! — язвительно вставила Шпиготская мамаша. — Он тебе, наверное, списать не давал?

Я чуть не расхохотался, а потом оценил всю прелесть её версии. Да она просто гений!

— Да, именно за это я его и избил. Он не давал мне списать, и я жутко разозлился. Я злой, жестокий, неуравновешенный, будущий зек, если хотите. Наказывайте меня по всей строгости, — добавил. — Одна только просьба — мать не теребите.

— Ну вот, вот, видите! — восторжествовала Шпиготская. — Он последний подонок!

– Ты врёшь, Кирилл, – покачала головой проницательная Лебедева. – зачем-то оговариваешь себя...

– Нет! – твёрдо возразил я. – Я не сделал домашку, попросил у него списать. А он мне такой: «Кирилл, это нечестно, ты должен сам делать домашние задания». Ох, как же меня разозлили эти слова! Я стал его просить, ведь я просто пропадаю без домашних, а он нет и нет...

– Ага, – усмехнулась Василиса. – У вас вообще-то последний урок был. Труды. По какому предмету тебе нужна была домашняя?

Упс!

– По алгебре. На завтра, – нашёлся я.

Она, наверное, не отстала от меня, но тут приехали полицейские. Оба в форме, всё честь по чести. Один был до такой степени рыжий, что его волосы казались медными. Крашеный, что ли? Второй – с кудрявыми тёмными волосами. Чем-то он смахивал на нерусского. Они назвали фамилии, но я не запомнил.

Выслушав сбивчивый рассказ классной, дополненный охами и ахами Шпиготской, медноволосый заявил:

– Мальчик должен поехать с нами.

– Как? – удивилась директор. – Куда?

– Не куда, а к кому. Парня уже ждёт уполномоченный по делам несовершеннолетних, – пояснил напарник рыжего. – Побеседовать с ним надо.

– Я его одного не отпущу, – заявила Василиса. – Что ещё

за новости?

– Сами посудите, зачем вам это надо? – спросил полицейский, устало глядя на неё блёклыми голубыми глазами. – У вас работа, а там неизвестно, сколько ждать придётся. Вы не с какими-то дядями его отпускаете. Мы полиция, как– никак.

– Ничего мы с ним не сделаем, – добавил второй, мистер Кудрявая Шевелюра. –заполним необходимые документы и отпустим. Отделение наше на улице Дружбы, это буквально в двух шагах. Добежит уж ваш Кирилл до дома.

– Как будешь дома, позвони Ольге Алексеевне! – велела мне директриса на прощанье.

Щас! Ещё этой крысе я не звонил!

– Вы так над ним хлопчете, как будто мы его съедим, – проворчал рыжий, надевая фуражку.

В общем-то, они были ничего. Обычные полицейские, выполняющие свою работу. Уж лучше с ними, чем слушать вопли Шпиготской. Диманова мать даже с нами поехать порывалась, чтобы заявление на меня накатать. Слава богу, медноволосый сказал, что её присутствие пока не требуется, и с ней свяжутся. Надеюсь, надолго они меня не задержат. Я должен попасть домой как можно раньше, чтобы объяснить-ся с матерью.

Машину они припарковали в тупике за школой. Новенький "фольксваген" по самое не хочу был заляпан грязью. Даже цвет тяжело разобрать -то ли белый, то ли серебристый.

Скорее всего – последнее.

На мгновение меня посетило что-то вроде флэшбека, странная судорога свела пальцы и в мозгу загорелась алая лампочка.

«Не садись в эту машину, не садись», – зашептал девичий голос, и я вспомнил свой ночной кошмар.

Правда, кошмар, который случился со мной днём, был всё-таки покруче.

Прикидывая диспозицию, быстренько оглянулся по сторонам.

"Фолькс" припаркован в тупике – это плохо. Две глухие стенки и забор... Забор – это хорошо. Перемахнуть через него – и я на территории родной школы. За углом разгружается у столовки "Газель" с продуктами. Раз, два – я уже на кухне. Пробежать мимо изумлённо– рассерженных поварих труда не составит. А потом – пара секунд, и я на выходе. Там уже всё – считай, ушёл.

–запустили– с вы, однако, автомобиль, Гармоген Галактионович, – услышал внезапно, и обалдело огляделся по сторонам.

Видимо, я так увлёкся обдумыванием плана побега, что не заметил, как сел в машину, и как мы тронулись. Ну да, оно и к лучшему – если бы я сбежал от ментов, было хуже во сто крат. Мне теперь вообще нельзя с ними отношения портить.

– Машину мыть не надо, Агафон Аристархович, – произнёс рыжий мягче мягкого. – Люблю, когда грязно.

Гармоген Галактионович, Агафон Аристархович...

Стопе.

И вовсе они не в полицейской форме, а в каких-то допотопных шмотках. У рыжего на голове котелок, как у Эркюля Пуаро, только у того в фильме новенький был, а у рыжего – потёртый. На чернявом клетчатый берет с красным помпоном.

Красная кожа сиденья издаёт скрип при каждом движении.

– вот так– так! – не слишком натурально удивился чернявый. – Столько лет вас, милейший, знаю, но и не подозревал о подобной страсти.

Рыжий вёл машину вовсе не на улицу Дружбы, а куда-то за город.

Солнце сияло очень ярко для осеннего дня, но этот свет был обманчивым. Лишь мелькнули скособоченные многоэтажки Заводского района, началась просека, и солнце скрылось.

– Сам не подозревал. До вчерашнего дня, – доверительно сообщил рыжий.

Я поймал его взгляд в зеркале заднего вида и отшатнулся. В правом глазу вместо зрачка скалился с черноты маленький Микки Маус. Медноволосый ободряюще улыбнулся мне и свернул с асфальтированного шоссе на какую-то тьмутараканскую дорогу, по которой явно давно никто не ездил.

– Я так понимаю, мы с вами отправляемся на пикник? –

сказал я громко, перекрыв звук допотопного радио, которое включил чернявый.

– Отличная песня! – не обращая на меня внимания, кивнул рыжий и сделал погромче.

Я слушал «Агату Кристи» довольно спокойно, будто находился дома, в своей комнате. Ясно осознавал, что участь моя будет ужасной, но страха не было. Может, потому что я пережил всё это с девушкой из моего сна. А может, потому, что я был круглым дураком. Только дураки до полусмерти избивают своих одноклассников. Только дураки ничего не боятся.

– Гармоген Галактионович! – вскинулся брюнет, и помпон на клетчатом берете задорно подпрыгнул, будто удивился вместе с хозяином головного убора. – Русский рок! Вы не перестаёте меня удивлять!

– Очевидно, сегодня день удивлений, – заметил рыжий. – О, смотрите, собака!

Невесть откуда взявший белый пёс с лаем набросился на машину. Наверное, это с дачных посёлков, только чего он в лес забрёл? «Беги отсюда, балда!» – мысленно приказывал я псине, но тщетно. Она, как привязанная, бежала за фольксвагеном. Может, думала, в машине её хозяева...

Чернявый так пристально разглядывал собаку, что мне стало не по себе.

– Нет времени, – с сожалением проговорил он, повернувшись к водителю, и облизнулся напоследок.

Во рту у него блеснули загнутые желтоватые клыки.

Рыжий дал по газам.

Себя мне не жалко. Наверное, я заслужил всё то, что происходит со мной. Недаром мне приснился этот сон. Жалко маму и Мишаню.

И ещё ту девушку в зелёном платье. Я не видел её лица, но, по-моему, она была красивая.

– Не жалею её. Она получит по заслугам, – не оборачиваясь, проговорил рыжий. – Так же, как и ты.

ГЛАВА 3

Эдуард

На перекрёстке встали. Причём конкретно. Очередь из машин двигалась со скоростью черепахи. Потом ещё у какого-то дедка заглох его ржавый рыжий «Запорожец» и стало непонятно, повернём ли мы в этой жизни вообще.

Я недовольно наблюдал, как дедок копошится около своего «запора». Остальные машины, корячась, пытались его объехать, но очереди всё равно не было конца и края. Господи, да рядом с таким железом даже находиться страшно, а он ещё на нём ездит. Впрочем, дедку-то уже терять нечего.

Сам я сегодня был на «Инфинити» огненно– оранжевого цвета. В принципе, для моей сегодняшней цели лучше подходил «Бентли», так как он чёрный, но «Инфинити» я почему-то любил больше. Расставание с девушкой – довольно мрачное событие, и чёрный цвет машины был бы тут как нельзя кстати. Но если ты не испытываешь к этой девушке ничего, кроме лёгкого раздражения, то и оранжевый подойдёт.

Я глянул на часы – опаздываю нещадно. Ну да ничего – Катрин подождёт. А опаздывать, я, кстати, не люблю. Лучше уж вообще не приходить – и то честнее будет. Как гласит кодекс чести самурая – лучше убить собеседника, чем ранить его неуважением. Ну, или что-то типа того.

Не удержавшись, глянул на часы ещё раз, хоть в этом и не было необходимости. Нравились мне они. Недавно одна швейцарская фирма решила сделать часы в честь Бэтмена. Корпус из титана с особым покрытием своим внешним видом напоминал космический корабль, а на задней крышке было нанесено изображение летучей мыши. Цифры из сапфирового стекла, вращающийся диск на циферблате – всё в них было идеально. Тридцать три штуки баксов, но я ценил не кругленькую сумму, вываленную за часики моим папашей, а эксклюзивность – в суперколлекции таких часов всего 75 экземпляров.

Чёрт бы побрал этого старикашку! Мы поедем сегодня или нет?

Вот и дождались. Между рядов машин появился попрошайка в инвалидном кресле. В чёрной шапочке, низко надвинутой на лоб и какой-то грязной–прегрязной камуфляжной куртке. Ниже куртки – пустота. К коляске прикреплен картонка. *«Пожалуйста! Помогите ветерану боевых действий в Афганистане»* написано на ней чёрным маркером.

Я разглядывал его в зеркало заднего вида. Ровесник отца. Хотя, как мне вообще пришло в голову сравнивать отца и этого...

Серые глаза смотрели неожиданно не просительно, а строго. Раз ты весь такой гордый и суровый, чего тогда милостыню собираешь? А коль собираешь, сделай тогда лицо попроше.

Но, кажется, выражение лица ветерана ничуть не отвращало водителей в колонне. Очень многие открывали окна, протягивая ему мелочь, десятирублёвки, сотки. Он принимал их с таким достоинством, будто был, по меньшей мере, королевских кровей. Из серебристой "ауди" даже пятисотку протянули. Я кинул быстрый взгляд на водителя. Девушка. Некрасивая. Ах ты, сердобольная!

Дедок, наконец, завёл свой драндулет и угрохотал за перекрёсток. Очередь пошла живее. Я потихоньку катился вперёд, не теряя из виду инвалида. Когда я, благодарение богу, наконец, встал перед светофором, ветеран оказался за две машины от меня. Время выходило.

Я wygrеб из бумажника долларов двадцать и открыл окно, вытянув в него кулак, полный сладких, приятных бумажек.

Инвалид, естественно, всё это заметил, и поехал прямо-ком ко мне. Я видел, что он старается двигаться не быстро, как бы с достоинством.

Ну— ну, поднажми, мужичок, если хочешь огрести немного бабла!

Светофор уже мигал. И тогда он всё-таки убыстрил ход своего ржавого инвалидного кресла. Блин, да он гнал так, будто за ним черти по пятам скачут! Да, вот что деньги делают с людьми...

Загорелся зелёный. Он доехал и протянул свою обветренную грязную руку за положенным вознаграждением. Я сделал вид, что с радостью протягиваю инвалиду доллары, но

в самый последний момент встряхнул кистью и раскрыл ладонь. Одновременно дал по газам.

Милые зелёные бумажки закружились от порыва ветра и разлетелись по всей дороге, шлёпая по лобовым стёклам тронувшихся автомобилей. Лишь один взгляд на лицо этого мужика сделал мой день. Будет ему урок на будущее. Может, поймёт, что не надо кривить рожу, когда просишь милостыню...

Чёрт! Ах, ты дрянь!

Увлёкшись своими мыслями, я не среагировал вовремя, и серебристая ауди подрезала меня. Ладно, езжай с миром, корова! Всё равно с таким лицом девушке не жизнь, а страдание одно. Свою долю веселья я уже получил.

А нет, вообще-то, не всю.

Любезная Катрин ждала меня в ресторанчике TATLER CLUB— местечке довольно простеньком и непрезентабельном, но меня там знали и встретили, как родного. Администратор лично повёл меня к заказанному столику, улыбаясь при этом так, будто встретил сына, которого потерял восемнадцать лет назад. Если бы попрошайка с дороги так улыбался, его заработок был бы значительно выше. Может, он даже получил пару копеечек от меня. Но не доллары, конечно, не доллары. Как ему вообще могло в голову прийти, что я могу дать ему доллары? Видимо, с ногами у него отняло и часть головного мозга.

И эта гадюка ещё меня подрезала. Из-за него, понятно,

из-за ветерана этого слабоумного. Надо было вообще номер машины запомнить. Шепнул одному человечку из папиного окружения – она пожалела б, что на свет родилась.

Сетуя из-за упущенной возможности, я не сразу расслышал вопроса администратора.

– Как папа поживает?

Они, дурачки, всё надеются заполучить его как постоянного клиента. И невдомёк глупым, что их ресторанчик по сравнению с теми, где бывает отец, просто придорожная кафешка, жалкая чебуречная... Впрочем, я не бывал ни в тех, ни в других.

– Папа отлично поживает, – лениво сообщил я. – От америкосов недавно прикатил.

– Мы всегда рады видеть его в нашем заведении! – администратор поставил рекорд по широте улыбки.

–заведение такого уровня, как ваше, – я сделал многозначительную паузу, – не соответствует его предпочтениям, к сожалению. Я и сам к вам чисто случайно забрёл.

Ох, и забавно было наблюдать за его перекосившейся физиономией. Но, надо отдать должное, справился паренёк с собой быстро и тут же побил поставленный собой рекорд по улыбкам.

Молодец. Возможно, он даже заслужил чаевые.

А вот и Кати! Познакомились мы с ней недели две назад в каком-то клубе, я уж и не помню в каком. Она успела как-то ненавязчиво взять меня в оборот, и с тех пор у нас любовь–

любовь: совместные походы в самые пафосные места Москвы, куча фоток в Инсте, зая— котик и всё такое.

Вначале я не сопротивлялся — у меня до этого постоянной девушки не было, и новый статус заинтересовал. Но при свете дня я убедился, что не такая уж она и шикарная, как мне сначала показалось в темноте клубешника. Нет, в ней есть, конечно, что-то — иначе я тогда на неё и не посмотрел... Но волосы могла бы нарастить и покачественнее — видно, что капсулы, одевается дёшево, черты лица довольно простецкие, а тупость просто зашкаливает. Но я бы всё это стерпел, и повстречался с Катриной подольше — первая любовь как-никак, если бы не её собственнические замашки. Детка просто обрадовалась, что подцепила такую крупную рыбку, и хотела закрепить успех, привязать меня к себе.

Может, у неё и получилось, но тактику она выбрала в корне неверную. Её недовольство всем и вся меня уже, честно говоря, достало.

— Ты опоздал! — надула чуть-чуть перекачанные ботоксом губки девушка.

— Прости, солнышко, — покаянно вымолвил я и плюхнулся напротив неё.

— И ты без цветов!

— Я вёз тебе огромный букет роз, но попал в аварию, — сочинял на ходу. — И опоздал, кстати, поэтому. Хорошо хоть выжил!

— О боже, зая! — испуганно воскликнула Катрин. — Ты на

«Бентли» попал?

Когда она узнала, что папа на восемнадцатилетие подарил мне сразу две машины, то, думаю, испытала перед папой священный экстаз. Все-таки простенькая Катюха была девушка. Случайно она оказалась в том клубе, ох, случайно. Она не моего уровня, далеко не моего уровня. Какой-то идиот её пропустил, а я теперь отдуваюсь.

– Да, – печально произнёс я. – Машина не подлежит восстановлению, розы разлетелись по всей дороге.

– Милый, но тебе нужно в больницу! – встревоженно пролепетала Катюха.

– только оттуда, – сообщил я. – Врачи не обнаружили на мне ни одной царапины. Они попытались выяснить, почему я не пострадал.

– И почему же? -затаила дыхание девушка.

– В моей крови обнаружился специальный фермент, – понизил голос я. – Нечто подобное есть только у одних существ на планете – летучих мышей. Этот фермент придает мне особые способности. Например, потрясающую живучесть. Доктора выяснили, что я ещё могу.

– И что? -зачарованно переспросила Катрин.

Господи боже, да она поверила! Нет, действительно поверила! Вся покраснелась, смотрела на меня удивлённо и восторженно... Это какой же надо быть непроходимо тупой курой, чтобы верить в весь этот бред!

– Очень многое, – со значением произнёс я. – Иными сло-

вами, я...

– Ты? – испуганно попыталась продолжить девушка.

– Я – Бэтмен, – трагично закончил я.

Меня уже просто несло. Неужели и это схавает? Схавала, не подавилась даже.

– Как в фильме? – поинтересовалась, только шёпотом.

– Как в фильме, – я сурово кивнул. – Мы с отцом решили даже оборудовать мне сверхсекретный подвал в нашем доме на Рублёвке. А всякие штуки, вроде бэтмобиля и костюма сконструирует Льюис, недаром же он наш главный дворецкий и негр!

Катя уже бывала в том особняке и знала, что там все дворецкие негры, а горничные – тайки. Выглядит довольно эффектно, все друзья отца обзавидовались, но ничего подобного придумать не могут. Знали бы они, как сложно воплотить эту задумку в жизнь! Там такой конкурс среди жителей второсортных стран был – покруче, чем экзамены в Кембридж. Но затраченные отцом силы и нервы стоили того.

– Теперь я понял, что моё переназначение – борьба со злом, – продолжал я проникновенно, накрыв своей рукой Катину. – Я просто обязан пустить свои сверхспособности на службу людям. Защищать их от всяческих злодеев и мажненьких!

Восхищение в её глазах росло в арифметической прогрессии, а я заливал ей и поражался, тоже восхищенно, как можно быть настолько глупой овцой.

– Но ты же понимаешь, Катечка, что участь спасителя рода человеческого – непростая участь. Это доля волка– одинок.

– Почему?

Вот мы и плавно подошли к, собственно, расставанию. Я незаметно глянул на часы. Да я иду на рекорд – расстаться с девушкой за полчаса – и ни тебе слёз, ни скандалов.

– Ты же понимаешь, что эти злодеи заходят уничтожить моих родных и близких, – терпеливо объяснил. – Они захотят повлиять на меня. Могут, например, украсть тебя, чтобы меня шантажировать. Потому ты – моё слабое место. Я не хочу подвергать тебя опасности.

Мою проникновенную тираду нарушила трель последней модели айфона.

Отец.

Да уж, ты вовремя, папочка! Я вообще-то здесь с девушкой расстаюсь. Но сбросить я не рискнул. Я мог не ответить кому угодно, но только не отцу. Извинившись перед Катей, я вышел в холл. У входа, не удержавшись, быстро оглянулся. Катрин сидела вся такая озадаченная и лапша огромными шматками свисала у неё с ушей.

Поспешно нажав на кнопку приёма вызова, услышал низкий красивый голос отца.

– Здравствуй, Эдуард.

– Привет!

– Я хотел извиниться перед тобой. За ту пощёчину.

– Да ладно, я уже забыл. И ты забудь.

Не забуду, никогда не забуду и не прощу тебя, папуля, за то, что ты изо всех своих дурных сил хлестнул меня по щеке. А за что собственно?

Помимо особняка на Рублёвке и трёх квартир в Москве есть у нас ещё миленький домик в Стрельне. Простенький такой, без бассейна и оранжереи, но со вкусом. Так вот там отцова жена, моя обожаемая мачеха, нашла котёнка. Обычный помоечник, не девон– рекс и даже не нибелунг. Уж не знаю, как он на нашем участке оказался. Всякие бродяги так и норовят проникнуть в мир сильных, красивых и успешных людей. У этого уродца получилось – мачеха принесла его в дом и вознамерилась воспитать. А он страшненький, как не знаю кто – вытянутая, совершенно не породистая морда, один глаз коричневый, другой голубой, длиннющие лапы и хвост кривой. Перебитый, видимо.

Уж Аллочка, так зовут мою вторую маму, с ним таскалась– таскалась, выводила блох, прививки делала. Но это ещё ничего, самый ужас начался, когда ему глистогонные препараты дали. Маленький гадёныш принялся вырывать этих глистов сотнями. Брррр! Такая мерзость. Я надеялся, что она хотя бы теперь одумается и выкинет этого бомжа на помойку, где ему и место самое. Но она нет, ничего. Назвала его Леонардо, на колени брала, гладила. Сама даже глистов тошнотворных этих убирала.

Я уж было хотел перебраться на Рублёвку или в одну из

московских квартир, но потом подумал: неужели я из-за этого бомжа должен менять место дислокации. А не жирно ли ему будет, убогому?

И остался. Терпел ещё как-то. Сам даже не знаю, как. Уж больно тот котёныш мерзучий! Но в мою комнату ему доступ был закрыт. К сожалению, до поры до времени.

Как-то лежу я на кровати, Минаева читаю. Ничего так писатель, годный. А дверь в комнату приоткрыта была. Мне горничная, не помню её имени, молоко с печеньками принесла. А дверь, стерва, закрыть забыла. Но с кровати было вставать неохота. Ладно, думаю.

И вот, короче, забегают в мою комнату Леонардо. Весь такой весёлый, довольный. Поел, наверное, только что, скотина. Я Аллу предупреждал, чтобы ноги его на моей территории не было. Если что случится, она виновата будет. Отличная возможность отомстить!

Леонардо побегал— побегал, кепкой моей любимой поиграл. Я сжал зубы, но пока ничего не предпринимал. А потом котёнок запрыгнул на кровать и принялся играть с моей ногой.

Я ждал. Мне было приятно смотреть на него, такого оживлённого и безмятежного, приятно осознавать, что сейчас я причиню ему боль.

И дождался!

В котёнке что-то заурчало и он вырыгнул огромного белого глиста прямо мне на джинсы.

– Ах ты, мразь!

Я пнул этого тварёныша так сильно, что он грохнулся об пол, завизжав от удивления и боли. Так тебе!

– Эдик, боже мой, что ты делаешь? Зачем ты бьёшь Лео?

Аллочка стояла на пороге моей комнаты и, конечно, всё видела. Длинные загнутые ресницы, стрижка каре, синий шелковый сарафан. Она всегда ненавидела меня, я знаю. И я всегда отвечал ей взаимностью.

Мачеха прижала к груди вопящего котёнка, глядя на меня со смесью ужаса и отвращения. А я жалел только об одном – что не проломил этой лохматой скотине череп.

Мерзкий жирный глист извивался на моём покрывале в луже блевотины. Я с отвращением стащил джинсы, швырнул их на кровать и сгрёб всё вместе с постельным бельём. Открыл окно и метнул этот комок прямо на дорожку перед гаражом. Если бы я видел, что отец уже загнал машину в гараж, то, конечно, не поступил так опрометчиво. Я думал, он приедет вечером, а к тому времени горничная всё уберёт.

Отец, предварительно, конечно, поговорив с Аллой (а уж эта стерва ему напела про мою изощрённую жестокость), зашёл в мою комнату и, ни слова не говоря, вlepил мне пощёчину.

Такого я от него не ожидал. Когда-нибудь я отомщу ему. И только когда мы будем квиты, забуду то унижение.

Только тебе об этом, папочка, знать не обязательно. А то заблокируешь мои кредитки.

Отец сразу потеплел голосом, принялся расспрашивать, как у меня дела. Я ведь всё же убрался из коттеджа в Стрельне в московскую квартиру. С того дня мы с отцом не виделись.

– У Полонского завтра день рождения. По этому случаю приём в его загородном особняке, – сообщил отец. – Мы должны быть. Ты – с парой.

Опаньки! Отменяется, значит, пока расставание. Катрин, можешь плясать! Яков Полонский – крупная шишка, владелец заводов, газет, пароходов. Они с отцом, как олени, постоянно меряются рогами – у кого круче, ветвистее, длиннее. Раз отец сказал – надо быть с девушкой, значит, так и сделаю. Правда, Катя, как я уже говорил, простовата для нашего круга, ну да ничего. Может, ей денег дать, хоть прикинется нормально? А, ладно, слишком для неё жирно. Сойдёт, как говорится, для сельской местности. Я уверил папочку, что его указание будет выполнено в лучшем виде. Мы уже собрались распрощаться, но тут папуля неожиданно спросил:

– Эдуард, а что с «Бентли»? Он на ходу?

– Да всё нормально с «Бентли», – недоуменно пожал плечами я. – Гоняю, а что?

– Ну ладно. Увидимся завтра.

О'кей, не вопрос, увидимся. Пойду, обрадую Катюху. Она на таких крутых тусовках сроду не бывала. Вот и посмотрит, какой жизнью ей никогда не жить. Правда, я ей чего-то про Бэтмена наплёл, ну и фиг с ним! Выкручусь. Катюха тупая,

как пробка. Поверит всему.

Вернувшись за столик, я с места в карьер заявил, что завтра мы едем на приём к Полонскому. Катрин была настолько счастлива, что буквально писалась кипятком.

– К Якову Полонскому? Тому самому?

–тому-тому, – кивнул я, небрежно развалившись в кресле.

Ну, Бэтмен забыт, слава богу. Полонский всё-таки покруче.

– Ой, зая, а ты расскажешь там про то, что у тебя обнаружили сверхспособности?

А нет. Не забыт. Она смотрела на меня, невинно хлопая ресницами, и, кажется, не понимала, какую глупость несёт. А может чёрт с ней, с Катюхой этой? Опозорит ещё, тупяшечка. Можно позвонить Лере. Или Свете. Да они будут счастливы завтра пойти со мной на приём.

– Про это нельзя рассказывать всем, – терпеливо попытался объяснить я. – В фильме же Бэтмен носит маску?

Девушка с сомнением кивнула.

– Ну вот. Он скрывает свою личность. И я тоже должен скрывать. А то ведь... – не удержался я от смешка, – враги не дремлют.

В конце концов, мне удалось замять разговор о своих способностях. Просто спросил, в чем она завтра пойдет. И началось... Она стрекотала без умолку, но я уже отключился, принявшись разглядывать публику в ресторане. Нет, я кивал в нужных местах, и слова «зая», «платье», «ногти», «круто»

доносились до моего сознания, но как-то слабо. Кончилось всё тем, что Катя предложила совместный поход по самым дорогим бутикам, мотивировав это тем, что ей совершенно нечего завтра надеть, а она должна сразить всех наповал. Наверное, надеялась, что я буду расплачиваться.

Счас прямо, бегу и падаю! Отвязаться от Катюхи стоило просто титанических усилий. Пришлось соврать, что у меня встреча с отцом. Считая минуты до расставания, я подвёз её к торговому центру. Катрин почему-то приспичило пораспинаться о нашей любви ещё минут двадцать, после чего она вымелась, наконец-то, из машины.

Свободен! Да, любовь – штука непростая. Устал я что-то сегодня. Хочу домой.

Для уютного домашнего вечера я приобрел бутылочку сухого "Циклос Мальбек", а на закуску неплохой сырок, который готовят из лосиного молока на одной ферме в Швеции.

Так вышло, что дорога домой, в «Золотую милю», легла через тот самый перекрёсток. Каково же было моё удивление, когда я увидел знакомого попрошайку в инвалидном кресле. Я-то думал, он укатил на обед. А то и вовсе решил взять отпуск после неудачи с долларами.

Нет, преспокойно катается между машин, собирает свои жалкие гроши. Он узнал мою машину. Я по ненавидящему взгляду понял – узнал.

Неожиданно мне в голову пришла гениальная мысль. Я вытащил из бумажника две пятитысячные и опустил стекло.

Ухмыльнувшись попрошайке, помахал красненькими купюрами. Что ж, боец, ты понял все правильно – унизишься – я тебе их отдам. Всё по– честному.

Ветеран помедлил, а затем повернул колёса инвалидного кресла в мою сторону. А я и не сомневался. Ради денег это быдло ещё не на такое пойдет!

Инвалид вплотную подъехал к «Инфинити». Я ждал, что он жадно протянет руку за желанными бумажками, и даже приготовился торжествующе улыбнуться. Ведь я победил его.

Но вместо этого попрошайка неожиданно смачно плюнул на блестящую дверцу моей драгоценной машины и был таков.

Гори в аду, безногий! А я ему ещё десять тысяч рублей хотел дать. Правильно говорит один друг отца: народ – чернь неблагодарная.

На следующий день я проснулся около двух часов дня с чёткой мыслью, что жизнь в грязной осенней Москве меня достала. Завтра же куплю билет в Италию. У отца там симпатичная вилла на берегу океана. Надо развеяться, а то что-то паршиво мне. И башка побаливает.

Наскоро запив сыр остатками вина, я спустился на подземную парковку. Выбор мой пал на «Бентли». «Инфинити» после плевка того бомжа я как-то брезговал. Правда, бентляха для Катюхи, типа, разбитый, но, учитывая её айкью, это не проблема. Придумаю что-нибудь.

Катрин я наплёл, что машину восстановили за одну ночь. Безмозглая курица схавала и это. Кстати, оделась она ужасно. В каком-то блестящем платье, волосы собрала в дурацкую причёску а— ля «я у мамы умница»... Мелькнула мысль высадить её прямо на МКАДе, где ей в таком прикиде и самое место, но всерьёз я её обдумать не успел, а потом стало уже поздно.

Девушка с воодушевлением принялась болтать о предстоящем приёме, но, уловив моё мрачное настроение, заткнулась. Благодарение богу! А то бы я точно её высадил, хоть прямо и посреди поля.

Башка раскалывалась нещадно, но я знал одно хорошее средство от головных болей. Лишь мы выехали на трассу, я тут же разогнался на максимальную скорость, представляя себя Михаэлем Шумахером. Это немного помогло. Я даже сообразил, что Шумахером не надо, он ведь сейчас явно не в лучшем состоянии.

Было около пяти и уже начало смеркаться. Встречные машины проносились мимо, слепя светом фар. Я мастерски обогнал какую-то фуру.

—зая, может, сбавишь немного скорость? — подала голос Катрин.

— А что такое? — удивлённо поинтересовался я, выжимая из машины максимум того, что она может дать.

— Мне страшно!

— Не бойся, котёночек, — просюсюкал я. — У меня же сверх-

способности, забыла?

Впереди показался зад серебристой ауди. Конечно, вряд ли за рулём сидит та овца, что подрезала меня вчера, но обогнать это железо я посчитал делом своей чести.

Но всё пошло не так. Когда я лихо стал обходить ауди, колёса моего драгоценного, верного «Бентли» попали на грязную обочину. Мы заскользили, а потом начался ад.

Машина, перевернувшись, рухнула в кювет и покатилась по полю, как полупустая консервная банка, которую швырнули со всей дури. В роли несчастных сардинок, болтающихся в этой банке, выступали мы.

Земля и небо смешались в единое целое... Удар. Дикий лязг. На очередном витке лобовое стекло протаранил сук дерева, попавшегося по дороге, и осколки градом посыпались в салон.

Мне не хватает воздуха. Господи, неужели это конец? Но я не должен умирать, только не я. Я не заслужил этого! Ощущение, что мы уже много часов находимся в машине, летящей в никуда, и это будет продолжаться до скончания века, накрыло меня с головой. На деле прошло каких-то секунд двадцать.

Казалось, железо ожило, со всех сторон давит на меня, хочет объять, поглотить, превратить в лепёшку из крови и мяса.

Когда это кончится, о господи, когда? Если останусь целым, больше в жизни не сяду за руль машины. Это слишком

страшно. Слишком больно. Помоги мне, господи!

Удар! «Бентли» пропахал крышей землю. По-моему, у меня оторвало голову. Удар! Вращающиеся колёса с силой впечатались в жирный чернозём. Снова удар! Машина, словно поверженный зверь, лежит на боку. Кажется, она больше не хочет меня убить.

Первые пять секунд я вообще не существовал, ничего не видел, не ощущал, не чувствовал боли. Только потом, именно потому, что пришла она, боль, я понял – жив.

Вслед за этим пришли звуки. Шум трассы, вой сирены, далёкий гром, который, наверное, грохотал лишь в моих ушах. И ещё один звук. Тревожный.

Где-то, звонко плещась, струится вода. Мы что, около ручья приземлились, что ли?

Потом я окончательно очухался и понял, что это весело льётся из пробитого бака бензин. Надо выбирать, а то машина сейчас взорвётся к чертям собачьим!

Скорее, скорее, скорее! Я пошевелился, превозмогая боль в теле, по которому будто прошлись катком. Машина лежит на правом боку, что значительно облегчает мне задачу. Мятая дверь совершенно деформирована и вряд ли откроется, зато я смогу выбраться через провал с острыми неровными краями, на месте которого недавно было стекло.

Вдруг мой взгляд упал на место рядом с пассажирским. Пристёгнутая, в отличие от меня, ремнём безопасности, Катюха, нелепо изогнувшись, лежала на сидении, придавлен-

ная вмявшимся внутри боком машины. Голова девушки свисала вниз, и из-под напитавшихся кровью волос текла тонкая струйка. Мертва.

Я отвернулся и сделал рывок вверх, к свету и жизни.

Слабый стон послышался сзади. Приказав себе думать, что это почудилось, я полез вверх.

– Эдик...

Слабый голос девушки заставил меня карабкаться вверх с утроенной силой. Если я примусь вытаскивать её – сгорим оба. А так – выживу хотя бы я. Тем более, я, скорее всего, вообще ей одолжение делаю. Она же вся переломана, наверняка после аварии останется инвалидом. И зачем ей такая жизнь? А может, её успеют вытащить. Полицейские там или кто... Я же слышал сирену.

Наконец, я выкарабкался из салона, спрыгнул на землю и на четвереньках попытался отползти как можно дальше от искорёженного куска железа. Сил идти не было. Каждая клеточка моего тела нещадно болела.

Где полиция, где врачи? Один несчастный "фольксваген" с маркировкой ДПС стоял на обочине. Машины равнодушно проносились мимо. Ни один человек не остановился узнать, нужна ли помощь.

Смешно придерживая от порывов ветра форменную фуражку, через поле ко мне бежал дэпээсник. В конце концов, головной убор его всё-таки слетел, открыв миру кудрявую черноволосую шевелюру.

– Там бензин хлещет! Бегом отсюда, сейчас рванёт! – крикнул он, подхватив меня под белые руки.

Ужас сковал все мои члены. Выжить в этой страшной аварии, чтобы потом погибнуть от взрыва... Я хотел пробормотать что-то про Катюху, но язык прилип к нёбу.

Взрыв застал нас почти у самой у обочины. Никаких ужасающих звуков, как в кино. Просто громкий хлопок. Я обернулся. На месте моей красавицы «Бентли» полыхал костёр. Погребальный костёр, подумал я, вспомнив девушку, которую оставил в машине.

Но я ведь правильно поступил. Правильно! Иного выхода не было. Я не смог спасти её и погиб бы сам.

– Где, мать твою, врачи? -заорал на дэпээсника. – Где врачи? Меня должны осмотреть! Кажется, у меня сломано ребро!

– У вас шок, – произнёс кудрявый сочувственно. – Садитесь в нашу машину, мы отвезём вас в ближайший пункт скорой помощи.

– Не надо меня туда везти! – разозлился я, бухнувшись на заднее сидение патрульной машины. – Позвоните моему отцу, он найдёт лучших докторов! Нет, лучше отвезите меня к нему. Тут недалеко. Там, где особняк Полонского. Вы знаете, где особняк Полонского?

За рулём сидел рыжий мужик в шляпе и светлой жилетке поверх чёрной рубашки. Это что ещё за хмырь? А когда на сидение рядом с водительским уселся чернявый, я и во-

все перестал что— либо понимать. Вместо потасканной формы дэпээсника на нём был клетчатый пиджак. Когда это он успел переодеться?

Что это вообще за клоуны?

— Кто вы такие? — раздражению моему не было предела. — Отвезите меня к отцу немедленно и тогда вам заплатят!

— А нам уже заплатили, — подал голос водитель, даже не обернувшись.

— Это что, похищение с целью выкупа? — я откровенно захохотал. — Да папин друг из ФСБ вас в два счёта найдёт!

— Не думаю, — покачал кудрявой головой черноволосый.

Тут я вовремя вспомнил, что айфон-то у меня в нагрудном кармане. Экран был покрыт паутиной трещин, но он работал. Ха! Сейчас позвоню папе, и эти два козла мигом поймут, с кем связались. Но странное дело, хоть айфон и работал, однако сеть не ловил. Что за фигня здесь творится? Я попытался открыть дверцу, но её будто заклинило.

— Вы что, офонарели, бомжи привокзальные? Вы не знаете, кто мой отец! — заорал я. — Он из вас вмиг бефстроганов сделает!

Они сидели спокойно, как вдруг рыжий обернулся и с нечеловеческой силой схватил меня за грудки, притянув между сидениями. Его кошмарное лицо было лишь подобием человеческого. Из правого зрачка, издеваясь, скалился Микки Маус.

— А сейчас ты замолчишь, и всю дорогу будешь сидеть ти-

хо, – прохрипел он, обнажив багровую пасть, усеянную острыми клыками.

– И не будешь мешать нам с Гармогеном Галактионовичем рассуждать о поэзии, – добавил чернявый, обдав меня тлетворным дыханием. – А то под такие вопли о вечном говорить как-то не резон.

Я мяукнул и забился в угол салона, обитого красной кожей.

У меня было всего два объяснения происходящего. Либо я умер, и эти двое отвезут меня в рай, либо я сошёл с ума.

ГЛАВА 4

Раиса

– А она красивая.

– Делай свою работу молча.

– И платье у неё очень красивое.

– Молчание!

– то-то Марта разозлится! Ганс её бросит, и будет обхаживать эту, новенькую. Марта ей все волосы выдерет!

– Мне неинтересно, что ты думаешь.

– Гретхен? А можно я возьму себе её платье?

– Я сожгу его. Непрощённым не положены такие вещи.

– Ну Гретхен!

– Смотри хорошенько. Если проснётся – не разговаривай с ней.

– А ты куда, Гретхен?

– Не твоё дело.

Проснулась я давно, и лежала с опущенными ресницами, внимательно прислушиваясь к разговору. Все произошедшее со мной отлично помнила, хоть и не совсем понимала. Я попала на краже, и хозяева картины вызвали полицию. Но полицейские оказались двумя монстрами, которые увезли меня в тёмный лес. Машина ехала так долго, что, в конце концов, я уснула.

Очнулась от голосов. Один принадлежал девочке-под-

ростку, а второй – женщине в годах. Глаза я не открывала, надеясь уловить хоть какую-нибудь информацию о том, где я и что, чёрт возьми, происходит. Ясности этот диалог принёс мало, но одно я поняла точно: пока что убивать меня не собираются. И то хлеб.

Ресницы рискнула приподнять лишь тогда, когда услышала тихий звук прикрываемой двери. Я лежала на деревянном полу большого, судя по всему, полуподвального помещения, напоминающего то ли кухню, то ли старинную операционную. Девочка лет двенадцати с усердием мыла полы.

– Эй! – тихонько окликнула я её, приподнявшись на локте.

Она тут же обернулась и уставилась на меня с огромным любопытством. Похоже, несмотря на запрет пожилой Гретхен, поболтать она не прочь. Что мне только на руку.

– Ты можешь сказать, что это за место? – поинтересовалась я, не очень надеясь на ответ.

И правильно.

– Гретхен запретила с тобой разговаривать, – живо проинформировала меня девчонка.

Спасибо, дорогая, я в курсе! Я окинула её с головы до ног быстрым оценивающим взглядом. На ней было простое тёмно–зелёное платье из грубой ткани. Нечесанные волосы забраны в неопрятный хвост, завязанный полоской одной ткани с платьем в куцый бантик. Ладно, зайдём с другой стороны.

– Как тебя зовут? – спросила, изобразив в голосе заинтересованность.

– Элька, а что? – тут же ответила девочка.

Она прекратила своё занятие, и теперь стояла, возясь шваброй с надетой на ней тряпкой по одному и тому же месту. Вот ты и попалась.

– Хочешь, я отдам тебе своё платье? Оно мне не нравится!

– Гретхен не разрешит, – с сожалением произнесла Элька, кинув взгляд на моё порядком потрёпанное, но сохранившее часть своего бывшего лоска вечернее платье. – Она сказала, что сожжет его в печи. Значит, сожжет.

– Да? А кто такая Гретхен?

– Она велела не разговаривать с тобой, – произнесла вредная девчонка и принялась за своё занятие.

– Ладно, но она же ничего не говорила про мои серёжки, – закинула я удочку во второй раз. – Ты можешь забрать их себе. Если скажешь, куда я попала...

Глаза Эльки загорелись жадностью, но она не двигалась с места. Для пущей убедительности я сорвала с ушей серёжки и протянула ей. Они были копеечными – никаких тебе изумрудов и бриллиантов. Несмотря на это выглядели симпатично – зелёные стекляшки ромбовидной формы в окружении крошечных белых камушков.

После этого колебалась девчонка недолго. Она подскочила и царапнула с моей ладони серёжки, и они мгновенно исчезли в недрах её некрасивого платья.

– Где мы? В какой стране, в Германии? – такой вывод я сделала, судя по именам Гретхен и Ганс.

Но Элька удивила меня, покачав головой.

– Мы находимся ни в какой стране, мы находимся в Доме.

– Где этот дом? Где-то же он есть?

– Дом везде и нигде. Везде, где нужно перевозчикам.

Отличный ответ! Браво. Я чувствовала, как меня охватывает смятение и ужас. Она не врёт, эта худенькая девочка в уродливом платье. В какое сверхъестественное дерьмо я вляпалась? Хорошо, что там у нас ещё из категории Важных Вопросов...

– Как отсюда выбраться? Отсюда же можно как-то сбежать?

– Не– а. Только перевозчики знают, как. Но они не скажут, – покачала Элька головой. – Они лучше убьют тебя, а не скажут.

Нет, она просто свихнутая, эта Элька! Несёт какую-то ересь. Я, наверное, просто попала в какой-то сумасшедший дом строгого режима. Бред, бред, бред, это всё бред! Я сжала пальцами виски. Может, полицейские избили меня до полусмерти или накачали наркотой, и всё это происходит лишь в моём сознании? А сама я мирно сижу в какой-нибудь казённой палате или, хуже того, камере, с дебильным взглядом и ниткой слюны, стекающей изо рта...

Ладно, надо взять себя в руки. Эта Гретхен наверняка вернётся с минуты на минуту.

– Хорошо, Элька, а что это за дом такой, что здесь делают?

И если на все предыдущие мои вопросы девчонка отвечала с трудом, подбирая слова, то на этот откликнулась с лёгкостью:

– Здесь? Здесь заслуживают Прощение.

Элька отвернулась, принявшись с энтузиазмом намыывать полы. Она почувствовала то, чего не уловила я: бесшумное возвращение Гретхен.

Носительница немецкого имени оказалась высокой костлявой старухой лет семидесяти с лицом тюремщицы. Так... чёрное, наглухо закрытое платье, тонкие губы, точно сжатые в ниточку, чёрные острые глаза и причёска, вышедшая из моды лет как сто назад. При одном взгляде на эту мегеру я поняла, что ничего хорошего от неё не жди.

Увидев, что я проснулась, она сделала Эльке знак, чтобы та выметалась. Девчонка подчинилась беспрекословно, покинув комнату тихо, как мышка.

С опозданием я заметила у старухи в руках небольшой облезлый чемоданчик. Не глядя на меня, она положила его на стол и расстегнула застёжки. На потертом алом бархате в специальных углублениях лежали инструменты, похожие на арсенал средневекового врача. Отвратного вида щипцы, трубочки, скальпель, плоскогубцы какие-то, ржавый гребешок.

Но это же несерьёзно. Не собирается она меня резать по кусочкам! Скорее всего, старушенция хочет провести подобие медицинского осмотра. Надеюсь, он будет не особо

углубленным, и, соответственно, болезненным. Хотя старуха с таким лицом вряд ли способна делать это наоборот.

Если та сторона комнаты, где находилась я, больше напоминала... ну, не знаю, подобие медкабинета, то противоположная – что-то вроде кухни, с многочисленными буфетами, шкафчиками, старинной плитой и даже самой настоящей печью. На одной из конфорок уже вовсю кипела вода в медном тазике. Гретхен положила туда некоторые инструменты из чемоданчика, подержала некоторое время на огне, а потом поставила его на большой деревянный стол, монолитно занимающий место посередине комнаты.

Кажется, я не ошиблась. Гретхен собирается оценить степень моего здоровья. Ну, или нездоровья. Она вытащила инструменты из кипятка, вместо этого кинула в медный таз два пучка каких-то трав, что достала из небольшой шкатулки, лежавшей в специальном отделении чемоданчика.

После проделанных манипуляций милейшая старушка приблизилась ко мне и рывком заставила подняться с пола, после чего пинками подтолкнула к столу.

А она не так проста, эта старушенция. Несмотря на почтенный возраст, сила в ней недюжинная. И откуда, интересно, у такой мумии?

Гретхен схватила меня за руки, и опустила их в медный тазик с травами. Кипяток успел немного остыть, но всё равно было очень больно.

Перед походом на день рождения Полонского я сделала

маникюр, покрыв ногти красивым тёмно— зелёным лаком. Когда я совладала со старушечкой и вытащила обожженные пальцы из горячей воды, маникюра на ногтях как не бывало. А, это, видимо, такое народное средство для снятия лака. Сильно, ничего не скажешь.

— На тебе были серьги. Где они?

Упс! Что бы такое соврать, чтобы не выдать Эльку? И разговаривает старуха со мной, как будто я шваль подзаборная.

— Они упали в щель между полами, — нашла я. — Там замочки слабые были.

Гретхен ничего не сказала на это маловразумительное оправдание, а по её непроницаемому лицу было непонятно, поверила она или нет. Хотя я знаю, конечно, не поверила! Если бы Элька не спрашивала её про моё платье, то ещё куда не шло. А так — и дураку ясно, куда ушли серёжки.

Старуха между тем толкнула меня на скамью и схватила за волосы. Больно раздвинула непослушные пряди, почесала железным гребешком с редкими зубьями. Я догадалась, что так она проверяет, нет ли у меня вшей. И не только.

— Крашеная.

Гретхен сообщила это таким тоном, будто, по меньшей мере, уличила меня в одном из смертных грехов. Незадолго до собеседования в доме Полонских я действительно покрасила свои кудрявые волосы в голубовато— пепельный цвет. Это абсолютно изменило внешность, сделав мой образ более спокойным и даже, в какой-то мере, внушающим доверие.

Кирик шутил, что после покраски я стала похожа на Мальвину.

После процедур с моими волосами, Гретхен не успокоилась и с помощью допотопной ложечки, которую она вынула из кучки инструментов, полезла ко мне в рот. Делала она это бесцеремонно, будто зубы лошади оценивала. Догадываюсь, что была для неё созданием, более низшим в иерархии живых существ, чем лошадь. Я так и ждала, что старуха объявит: «Зев чистый, зубы в отличном состоянии», но этого, конечно, не произошло.

– Платье снимай, – буркнула Гретхен.

Так, начинается. Я искренне надеялась, что до этого не дойдёт, но старая ведьма, очевидно, решила провести осмотр по всем правилам. Насколько это, конечно, возможно, в условиях подвальной полукухни, имея в распоряжении заржавелый арсенал врача времён бубонной чумы.

Но спорить с ней я не стала. Выскользнула из приятного шёлка платья, оставшись в одном кружевном белье. Бельё, кстати, хоть и имело скромный бежевый цвет, при этом было весьма фривольным. А уж в сочетании с чёрными чулками – так вообще.

Мне было страшно неприятно стоять перед этой неприятной старухой, обращающейся со мной, как с последней проституткой, в таком виде.

– Остальное тоже снимай.

Чёрт, чёрт, чёрт! Ладно, я не трогательный цветок. Хрен

с тобой, старая ведьма!

Карга скатала все мои вещички в комок и брезгливо бросила на пол у печки. Сомнений относительно её намерений у меня не было. И, правда, сожжет.

Гретхен внимательно осмотрела мою кожу, больно помяла все лимфоузлы. Она что, реально боится обнаружить у меня признаки чумы? Меня очень тяжело смутить по— настоящему, я бывала в разных переделках... Однажды даже в подпольном казино я вскочила на стол и принялась танцевать на нём стриптиз, сметая все карты. Если бы я этого не сделала, мы с Кириком неминуемо проиграли огромную сумму денег. Но никогда прежде я не чувствовала себя унижительнее, чем стоя голышом перед этой старой ведьмой.

Но она, похоже, считала моё унижение недостаточным. После всех манипуляций Гретхен схватила меня за руку и подтащила к тёмному углу, в котором стоял деревянный стул непонятного назначения. Одного беглого взгляда мне хватило, чтобы с ужасом осознать: гинекологическое кресло. Старинное, больше похожее на орудие пыток, чем на медицинскую мебель.

Ну уж нет, ни за что в жизни я не буду раздвигать ноги перед этой полуграмотной знахаркой! Пусть попробует уложить меня силой.

Кажется, я прокричала это вслух. Наверное, сказался запоздалый шок от пережитого, ужас перед двумя монстрами, абсолютное непонимание происходящего. Впервые в жизни

я не могла трезво оценивать ситуацию, впервые в жизни поддалась дикой панике, впервые в жизни почувствовала себя беззащитной семнадцатилетней девушкой. К тому же совершенно нагой, и от этого во сто крат более беззащитной.

– Пошла к чертям собачьим, старая мегера! – орала я. – Ты не заставишь меня, поняла? Убери свои грязные руки! Всё у меня там в порядке, можешь поверить на слово! Я не больная, не заразная, и даже не беременная!

Гретхен попыталась подтолкнуть меня к креслу, но куда там. Я зашипела и пхнула её босой пяткой, да так, что старуха налетела на угол деревянного стола.

– У тебя не получится, гарпия! – уже спокойнее проговорила я. – только через мой труп.

Старая ведьма окинула меня ненавидящим взглядом и, ничего не говоря, неожиданно скрылась за маленькой дверкой, находящейся на «кухонной» половине.

Я заметалась по комнате в поисках выхода. Так, две двери и окно. Одна из дверей ведёт, как я понимаю, в дом, другая, скорее всего, на улицу. Будем надеяться, что так. И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, какая куда.

Конечно, я не ожидала, что массивная деревянная дверь на той половине, где стояло гинекологическое кресло, будет открыта. Но, может, замок не такой уж и сложный. Я не эксперт в замках, по этой части у нас гуру Кирик. Но кое– чему он меня успел научить.

Вытащила из основательно помятой причёски шпильку,

разогнула её и приступила к знакомству с замком. То, что оно вряд ли будет плодотворным, поняла минуты через три. Такой странной системы я никогда не видела.

Ладно. Оставив в покое замок, я всем телом налегла на тяжёлый деревянный стол, пропихнув его к окну. Ох, и паршивое оконце: прямоугольное, узкое, почти под самым потолком. Спасибо, хоть решёткой не забрано. Используя стол, как взлётную площадку, может быть, и проскользну.

Только вот далеко ли я убегу, голая?

Чертыхнувшись, принялась перетряхивать содержимое всевозможных ящичков и буфета. Хорошо бы найти какую-то одежду, не бросающуюся в глаза, как моё зелёное вечернее платье. Может, какой-нибудь плащ...

Нет, бесполезно: это кухня. Правда, странная. Кухня ведьмы, я бы сказала. Какие-то банки, склянки, приправы, медная посуда... А вот джинсов и куртки моего размера, тут никто, к сожалению, не припас.

О'кей. Хорошо хоть ведьма не успела сжечь мои вещички. Я схватила комок, сиротливо лежащий на полу у печки, и ринулась к своей импровизированной лестнице, ведущей на свободу. Вскочила на стол, одновременно распахнула оконце, пытаясь найти у платья перед. Как обыкновенный человек мог проделать эти три дела одновременно? Да запросто, если он хочет сбежать подальше от странной ведьмы, собирающейся устроить гинекологический осмотр.

Промозглый ветер ворвался в комнату. Я запоздало вы-

глянула в окно, чтобы посмотреть, куда, собственно, собираюсь бежать.

Руки опустились сами собой.

Дом стоял на краю обрыва, а внизу с рёвом текли воды совершенно чёрной, точно мазутной, реки.

Господь всемогущий, куда это меня занесло?

Куда бы ни занесло, сбежать отсюда практически невозможно. По крайней мере, не из этой комнаты. Я бессильно прислонилась к стене.

Вдруг послышался звук резко открываемой двери. Я приготовилась увидеть старую ведьму. Возможно, она прихватила ружьё, чтобы я была более сговорчивой. Напрасно.

Но это была не Гретхен. В комнату зашел парень. Я пискнула и прикрылась платьем.

Какая-нибудь романтически настроенная барышня, наверное, сочла бы его красивым. Этаким голубоглазый блондин, высокий и явно не пренебрегающий качалкой. Герой популярного среди девушек бестселлера, прячущий за мужественной внешностью тонкую ранимую душу.

Я оценила его секунд за пять: глаза, хоть и красивые, но недобрые, и губы слишком тонкие, а это говорит о скрытой злости. В общем, очень интересный персонаж появился в этой комнате. Я бы предпочла держаться от такого типа подальше.

Он пристально разглядывал меня, застывшую на столе в неудобной позе и неловко пытающуюся прикрыть тонким зе-

лёным шёлком свою наготу. Под этим взглядом я почувствовала себя так, будто куска ткани в моих руках и вовсе не было. Не укрылись от него и элементы моего нижнего белья, бессовестно валяющиеся на полу.

– Гретхен говорит, ты не даёшь ей закончить осмотр, – произнёс блондин бесстрастно.

– Отвернись, я надену платье, – отозвалась спокойным голосом.

Счас! Он продолжал стоять неподвижно, при этом плясая на меня.

– Отвернись! – повторила я, чуть-чуть повысив тон.

Странное дело, но он повиновался. Наверное, потому что увидел уже достаточно. Я натянула своё многострадальное платье и легко спрыгнула со стола. Блондин обернулся прежде, чем мои босые ноги коснулись пола.

– Гретхен говорит, ты не даёшь ей завершить осмотр. Да слышали уже!

– Абсолютная правда, – кивнула я. – Эту полуграмотную знахарку я к себе на метр не подпущу.

– Гретхен должна убедиться, что ты не больна.

Какой у него монотонный голос. Точно передо мной робот, а не человек. Впрочем, робот не стал бы пялиться так откровенно. Или я просто принимаю абсолютное отсутствие смущения за бесстыдство?

– Пусть Гретхен черканёт в моей санкнижке «Здорова», – нагло изрекла я. – Придётся поверить мне на слово.

– Ты не должна перечить, непрощённая, – сказано это было безо всякого выражения, но меня оторопь взяла.

Он надвигался, будто взаправду был роботом, бездушной машиной без чувств и эмоций.

– Я уже всё сказала, но для особо непонятливых могу повторить: никакая старая мегера ко мне не прикоснётся, – сказала я негромко.

Я умела говорить с угрозой, так, что это не звучало смешно или по– детски. Моё ремесло требовало, чтобы я всегда притворялась. Чаще всего это была роль юной трогательной девушки, которую и пальцем-то тронуть страшно. Поэтому после моих последних слов в глазах блондина мелькнуло нечто вроде удивления. В моей жизни, повторяюсь, было всякое, но я всегда могла за себя постоять.

– Ты должна выполнять всё, что тебе велят.

– Я ничего никому не должна, усёк?

Мы стояли друг напротив друга, и я понимала, что если сделаю ещё хотя бы один шаг назад, то он загонит меня в угол. И в прямом, и в переносном смысле. Я не желала смириться с тем, что сопротивление этой бездушной машине бесполезно. Я была слишком наивна, слишком самоуверенна.

Блондин быстро вернул меня с небес на землю. Я попыталась отпихнуть его, но он поймал мою руку за запястье и принялся выкручивать.

– У нас не терпят непослушания, – всё тем же бесстраст-

ным голосом сообщил блондин.

Ещё немного, и он вывихнет мне руку. От сильной боли на глазах выступили слёзы. Вырваться было нереально.

– Да правда что ли? – прошептала я, поскуливая.

– У нас не терпят непослушания, – с этими словами блондин швырнул меня на стенку.

Я стукнулась головой об деревянную полку. В глазах потемнело. Кажется, я даже на несколько мгновений потеряла сознание, потому что очнулась уже на полу. Блондин сидел рядом на корточках, разглядывая меня, как диковинную зверушку.

Едва я открыла глаза, он тотчас перешёл к нежностям: скомкал на моей груди платье и снова хорошенько приложил меня об стенку.

В черепе ярким фейерверком взорвалась боль. Перед глазами прыгали всякие точки-закорючки, за которыми стояло хладнокровное лицо жестокого блондина. Во рту ощущался медный привкус крови. А, может, меня просто затошнило. Повторит свой трюк со стенкой – сотрясения мозга не миновать.

Если блондин уже мне его не обеспечил.

Сил и желания сопротивляться больше не было. Пусть делают, что хотят, лишь бы оставили мою бедную головушку в покое.

– Теперь ты будешь послушной, непрощённая?

– Буду, – прошептала я, с трудом сдерживая рвотный

спазм.

Блондин кивнул удовлетворённо, поднялся с корточек, пружинистой походкой пересёк комнату и скрылся за дверью.

Держась за стенку, я поднялась. Вокруг всё плыло. Я сделала пару неверных шагов, и меня, наконец, вырвало. По иронии судьбы прямо на обтянутое дермантином сидение кресла. Зато после этого полегчало, вернулась способность соображать.

Ну как, не то, чтобы совсем вернулась, но в голове под яркой красной лампочкой замигала надпись: «Если хочешь выжить и не остаться калекой, надо сменить тактику!».

Вернувшись почти сразу после блондина Гретхен довольно спокойно отреагировала на учинённые в комнате изменения. Стол от окна в центр комнаты она передвинула сама. Увидев безобразие на кресле, швырнула мне половую тряпку.

Я аккуратно все убрала, а затем безропотно легла на это орудие пыток. Так же безропотно я вынесла произведённый грубой старухой гинекологический осмотр, хотя она так резко мяла мне низ живота, что я чуть не вскрикнула. Думаю, Гретхен специально хотела причинить мне боль.

После долгих минут на кресле Гретхен жестом заставила меня снять платье и для надёжности швырнула его в печь. Хоть печка и не была разожжена, но в очаге полно золы и зелёный шёлк тут же окрасился в чёрный. Чёрным стало и

моё безумно дорогое нижнее бельё. Вот теперь я уж точно никогда это не надену.

Старая ведьма распахнула дверку и велела мне следовать за ней. Я осталась на месте. Я же была нагишом. Вдруг там полна комната людей?

Судя по тому, что со мной обращаются, как с куском мяса, судя по этому странному медосмотру и бесстрастно— жестокому блондину, такое ощущение, что я попала в бордель, где меня заставят проработать до самой смерти.

Эта мысль вызывала отвращение, и я попыталась отогнать её. Единственное, что немного радовало, — строгое тёмное платье Эльки. Проститутки в таких явно не ходят. Я не должна падать духом. Если потеряю надежду — они смогут меня сломать. Правда, они думают, что уже сломали. Пусть думают. Пусть считают, что я готова подчиняться. Но их ждёт большой— большой сюрприз.

— Мне снова позвать Ганса? — сухо промолвила старушенция.

За полуоткрытой дверью виднелись стены какого-то длинного коридора. Я покачала головой и последовала за ней. Стены на четверть белёные, остальное выкрашено синей краской. Такой колер скорее навеивает мысли о тюрьме, чем о борделе.

Босыми ногами я чувствовала каждую неровность деревянного пола. Пыталась запомнить дорогу. Несмотря на то, что я изо всех сил пыталась себя успокоить, было страшно.

Такое ощущение, что стены были живыми, что зло и внимательно наблюдали за мной.

Мы прошли совсем немного. Слава богу, хоть по дороге никого не встретили. Гретхен распахнула ещё одну дверь того же цвета со стенами и втокнула меня вовнутрь.

Я оказалась в большом помещении, выложенном мелкими кафельными плитками грязно— розового цвета. Из стен торчали латунные головки душевых приспособлений. Перегородок здесь никто не предусмотрел.

Кафельная глазурь на полу была ледяной. Поджала пальцы ног. От стоп холод разлился по всему моему телу. Кожа мгновенно покрылась пупырышками.

Я подошла к одному из душей и покрутила ручки кранов. Ничего. А я уж понадеялась, что сверху на меня польётся тёплая вода...

— Ничего не трогай!

Ну, конечно же, эта чёртова тюремщица даже в душе не могла оставить меня без надзора. А мне так хотелось хотя бы на пару минут остаться в одиночестве, смыть с себя страх, усталость, неприятные впечатления. Возможно, монотонная боль в затылке тоже утихла бы.

— Встань у противоположной стены.

Я повиновалась. Но не успела пересечь душевую, как в меня сзади ударила струя горячей воды. Она сбила меня с ног, я поскользнулась и упала, больно ударившись коленкой о пол.

Струя была настолько мощной, что я никак не могла подняться с ног, и оставшееся до стенки расстояние преодолела только ползком.

Вода била в грудь, заливала глаза, рот и уши. Я ослепла и оглохла. Волосы мгновенно превратились в непослушную мокрую массу, и я никак не могла откинуть их со лба. Слепо шаря перед собой, пыталась найти опору. Наконец, пальцы нащупали стенку, и, держась за неё, я попыталась подняться.

Получилось только с пятой попытки. Когда приняла вертикальное положение, поток воды стал ещё более сильным и обжигающе-горячим. «Хватит!» – пыталась прокричать, но куда там... Держу пари, эта старая сука ещё наслаждается, мучая меня.

Какое же это унижение, господи! Она заплатит, клянусь, когда-нибудь она заплатит. Так же, как и блондин.

Вода прекратила литься так же резко, как и начала. С трудом разлепив глаза, я увидела Гретхен с розовой кишкой шланга в руках. На её лице читалось нечто вроде удовлетворения.

Меня трясло.

Старая гримза сунула мне сложенные стопочкой вещи и подтолкнула к не приметной дверке в углу. А разве там была дверь? Странно, могу поклясться, что до моего приятного «купания» нет...

Наконец-то одна! Хоть на пять, хоть на три минуты! И наконец-то могу одеться!

В стопке данных Гретхен вещей я обнаружила тонкое синтетическое полотенце, которое совсем не вытирало, комплект нижнего белья и серое платье.

Разложив бельё на деревянной лавке, не удержалась от смешка, хоть он и был в данной ситуации неуместен. Трусы и лифчик из грубой тяжёлой ткани больше походили на вещички из гардероба почтенной матроны, чем молодой девушки. Полностью закрытые и, я бы сказала, аскетичные. К тому же, приняхавшись, уловила терпкий запах дешёвого порошка. Точно так же пахло и серое бесформенное платье, по покрою – копия платья Эльки.

Я добросовестно натянула на влажное тело всё это неудобоваримое тряпье и подошла к небольшому зеркальцу, висевшему над лавкой. Оттуда на меня смотрела осуждённая, лет пять просидевшая в тюрьме строгого режима. Я, как могла, расчесала пятернёй волосы. Без расчёски мне это, что мёртвому припарка. Высохнут, и распутывай их потом. Внимательно приглядевшись к мокрым прядям, увидела, что краска сошла с волос, и они приобрели прежний яркий медно–рыжий цвет. Вообще отлично! Довершая картину, на запястье наливались синевой отпечатки пальцев Ганса.

Да, прежде чем мы вышли из кухни, старуха назвала блондина Гансом. А ведь это имя я слышу здесь не в первый раз. В подслушанном разговоре Эльки и Гретхен о нём была кое–какая информация.

Но додумать я не успела. Проклятушая старуха бесцере-

монно зашла в раздевалку. Она осмотрела меня с ног до головы и проверила, надела ли я то страшное нижнее бельё. Видимо, результатом Гретхен осталась довольна.

– Следуй за мной, непрощённая.

ГЛАВА 5

Кирилл

Раньше в нашей семье был особый ритуал. Отец находил какой-нибудь хороший фильм, а чаще всего – мультик. Мама делала в микроволновке попкорн, затем высыпала хлопья в огромное стеклянное блюдо, расставляла на журнальном столике высокие стаканы под кока-колу. В каждом непременно была трубочка. Мы все рассаживались на синем диванчике в нашей уютной гостиной: Мишка между родителями, а я с краю. И отец запускал кино. Когда Мишка не понимал что-нибудь на экране, папа начинал объяснять ему, и так у него это выходило забавно, что мы с матерью хохотали без умолку. Вскоре к нам присоединился и Мишка. И отец. Однажды он так смеялся, что опрокинул блюдо с попкорном, который хлопьями солёного снега разлетелся по всей гостиной. Пришлось останавливать фильм, и всё это убирать. Но мама совсем не ругала тогда отца.

Эти семейные видеопросмотры казались мне чем-то незблемым. Если бы я знал, что совсем скоро они прекратятся, я бы, наверное, больше ценил время, проведённое вместе.

Когда отец ушёл, наша семейная традиция извратилась. Нет, днём мы, конечно, смотрели мультики с Мишкой, пытаюсь продлить для него иллюзию полного семейного счастья.

Был и попкорн, и кола, и смех в нужных местах. Только всё было не по— настоящему. Мишка это чувствовал, но ради нас с мамой делал вид, что всё в порядке. Мы делали вид, что всё в порядке, ради него.

Настоящие, не фальшивые видеопросмотры начинались вечером, когда Мишка сладко засыпал в своей кроватке. Никакого попкорна. Никакого смеха. Лишь темнота, в которой загадочно мерцал экран телевизора.

Мы с матерью смотрели фильмы ужасов. Вообще-то после ухода отца из семьи увлеклась ими она. Но смотреть одна боялась. Я к таким фильмам, в принципе, равнодушен. Я детективы больше люблю. Но бросить маму я, конечно же, не мог. Она у меня впечатлительная очень. Охи и ахи на каждом напряжённом моменте. До предательства отца мама терпеть не могла ужастики.

Думаю, так она заглушала боль. Каждый справляется по-своему. Моё хладнокровное отношение к супермегакрутым триллерам, наверное, тоже немного успокаивало маму.

– У тебя железные нервы, Кирилл, – говорила она.

Но, по-моему, дело было не в этом. Просто я не верил в происходящее на экране. Мама – немного верила, я видел. Магия кино и всё такое. Хоть на чуть-чуть, на самую каплю, но создатели фильма заставляли её поверить. И испугаться. Пережить эффект саспенса.

Я не верил в мистику. Ну, вот вообще никак. В этих вампиров, оборотней, всякие злобные существа, переселение

душ... У меня всегда было очень ясное ощущение реальности. Уроки, учителя, школа, футбол, Мишка, мама, детективы, которые я читал по вечерам, – это моя действительность. В ней не было места всякой чертовщине.

И вот сейчас два человекоподобных монстра везли меня в своей допотопной машине в никуда, а я был спокоен. Абсолютно спокоен. Ни тебе истерик, ни воплей «Мама, забери меня отсюда!». Может, потому, что я не до конца осознаю происходящее со мной?

Может, я вообще сошёл с ума? Пересмотрел ужастиков? Впечатления копились, копились, а потом у меня – бац! – и резко съехала крыша?

Я знал, что мама чувствует себя виноватой за то, что просит смотреть ужастики вместе с ней. Типа, я же подросток и у меня ещё не окрепшая детская психика. Только бред это всё. В свои семнадцать я мужчина. По крайней мере, по сравнению с моим сорокапятилетним отцом. Я бы никогда не поступил так, как он. Не бросил своих детей. Не воткнул нож в спину жене.

Вот главный ужастик в моей жизни. Я слишком сильно переживаю предательство отца. А ещё за маму и Мишку боюсь намного больше, чем за себя.

Автомобиль между тем миновал просёлочную дорогу и выехал на широкое асфальтированное шоссе. Оно было абсолютно пустым. Рыжий прибавил газу, и старый "фолькс" разогнался до очень приличной скорости.

Только через некоторое время я обратил внимание, что мы едем напрямик по двойной сплошной полосе. Потом до меня дошло, что дорога не серая и вся в ухабах, а чёрная и идеально гладкая. И разметка не белая. Жёлтая.

Может, они как-то в обход погранзаставы вывезли меня за границу? Бредятина полная! Мы едем-то от силы часа четыре.

Я внимательно пригляделся к пейзажу за окном. Был он довольно неприглядным. Мы ехали мимо кукурузных полей. Пожухшие стебли скрючившимся частоколом возвышались по обеим сторонам дороги. Своим видом они напоминали кости странных мертвецов, торчащие прямо из земли. Кукурузное кладбище.

Высохшие колючие листья шевелились на ветру, как будто помахивали мне: «Эгей, скоро ты будешь с нами! Эгей, скоро ты станешь одним из нас!». Мне даже стало казаться, что сквозь рёв мотора я слышу навязчивый монотонный шелест.

Именно тогда к сердцу подкатила леденящая волна первобытного ужаса, возникшая из-за жёлтой разметки, но, в особенности, из-за проклятушей кукурузы.

Жёлтая разметка и кукуруза. Кукуруза и жёлтая разметка. И два монстра – рыжий и черный, куда-то ведущие свой допотопный автомобиль с красным кожаным салоном.

Куда?

И почему на таком огромном шоссе нам не попалось ни одной машины? Будто в ответ на мой вопрос впереди показа-

лась какая-то точка. Она медленно двигалась нам навстречу. Рыжий лжеполицейский соизволил занять правую полосу.

Чёрный «Бентли» полз со скоростью черепахи, что само по себе было довольно странно. Будь у меня такая машина, уж я бы разогнался! Но другая машина на этой странной трассе успокоила меня. Значит, это вполне рядовая дорога. Ну, не совсем рядовая, конечно, но здесь есть люди помимо нас. Вернее, меня. Сидящие впереди существа, как я понял, людьми не были.

Я внимательно разглядывал проплывающий мимо «Бентли», благо его скорость позволяла: новенький, блестящий, ни единой царапинки. Увлёкшись привлекательным видом машинки, не сразу обратил внимание на салон. А когда обратил, от окна я отпрянул.

Водительское место было пусто. Машина ехала сама по себе. Медленно, но ехала. Самый настоящий ужас меня пробрал, когда я рассмотрел девушку на сидении рядом с водителем. Одета очень празднично, она спокойно сидела, пристёгнутая ремнём безопасности. Светлые волосы были забраны в замысловатую причёску, блестящая ткань платья туго обтягивала красивую высокую грудь. Но, приглядевшись, я заметил тонкую струйку крови, стекающую по виску.

Она смотрела прямо перед собой, будто разглядывая что-то, мне невидимое. Однако, когда «Бентли» поравнялся с нами, девушка повернула голову и обратила свой отстранённый взгляд на меня. Это был взгляд человека, которого уже

нет в живых. Взгляд мертвеца.

Я изо всех сил сжал кулаки, пытаюсь унять дрожь во всём теле. Вот когда я испугался по— настоящему. Вот когда мне захотелось в панике метаться по салону машины, и может быть, даже открыв заднюю дверцу, вывалиться из неё на полном ходу.

Лишь только «Бентли» проплыл мимо, его скорость резко увеличилась, будто кто-то невидимый дал по газам, и он быстро превратился в точку за задним стеклом машины.

Однако вскоре в поле моего зрения появилось кое— что настолько интересное, что глядеть назад я перестал. По левую сторону от дороги прямо посреди иссушенных стеблей кукурузы показался огромный пассажирский «Боинг». Со всем диким я не был, и самолёты не были для меня редкостью. Ну, по крайней мере, в прошлой жизни. До ухода отца мы дважды в год летали отдыхать за границу, так что, можно сказать, к самолётам я привык.

Но он выглядел настолько чуждо и нелепо в этом поле, вдали от аэропортов с их удобными взлётными полосами, что я даже моргнул несколько раз, проверяя, не мерещится ли. Откуда здесь взяться самолёту? Как он вообще мог приземлиться в поле? Где все пассажиры?

Самолёт был белый, за исключением раскрашенного в жёлтые подсолнухи на зелёном поле, хвоста.

Но, несмотря на весёленькую расцветку, что-то зловещее было в этом воздушном судне. Слишком яркими были его

краски, слепыми глазами на исполинском теле выглядели закрытые иллюминаторы... Слишком свежим и привлекательным казался этот гигант на фоне унылого осеннего поля.

Я хотел поинтересоваться по поводу самолёта у чёрнявого монстра, который казался мне более отзывчивым, но вспомнив известную поговорку, раздумал. Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. А в моём случае это может оказаться не только нос.

Заглядевшись на проплывающий мимо самолёт, я не сразу заметил на обочине фигуру человека. Он был в чёрных брюках и ослепительно белой рубашке с чёрными нашивками на плечах. Блестящий козырёк фуражки капитана воздушного судна полностью закрывал лицо. Завидев нас, он поднял руку.

Но рыжий водитель, переглянувшись с чернявым, лишь увеличил скорость. Тут уж я не выдержал:

– Почему вы не остановили? Может быть, ему нужна помощь?

Молчание.

– Эй, вы слышите?

– На трассе И– 51 подсаживать никого в машину нельзя, юноша, – смилоствовался до ответа водитель.

После такого охота задавать вопросы у меня отпала. Снова накатил страх. Нет, даже не страх. Тёмный безмолвный ужас. Насколько, должно быть, опасна эта дорога, что даже монстры не рискуют останавливаться здесь? И насколько страш-

ным должно быть место, куда они везут меня?

Помимо своей воли я оглянулся, чтобы кинуть последний взгляд на пилота. Но обочина была абсолютно пуста. Лишь покачивались на ветру серые стебли кукурузы.

Я не хотел ни о чём думать, хотел освободить своё сознание, прогнать страшные мысли прочь, но ничего не мог с собой поделаться.

Этот самолёт разбился, и все пассажиры вместе с экипажем погибли. Точно так же, как попал в аварию чёрный «Бентли». Водитель выжил, а девушка на переднем сидении погибла.

И девушка, и пилот были призраками. Девушка – вполне безобидным. На первый взгляд, безобидным. Пилот – сомневаюсь. Он голосовал, он чего-то от нас хотел. И я не хочу додумывать, чего.

Помоги мне господи, куда я попал?

Раз оказался в таком месте, я должен принять правила игры. Я должен справиться со страхом. По крайней мере, загнать его вглубь себя. Я ещё жив, значит, вряд ли в конечном пункте назначения мне уготована смерть. Меня не стали бы везти по этой странной и страшной дороге для того, чтобы убить.

Это значит только одно – я ещё могу спастись. Крошечный шанс, но он есть. И я его не упущу. Я сделаю всё, чтобы вернуться к моей семье.

И, словно в подтверждение моих мыслей, это жуткое ку-

курузное поле, наконец, кончилось. По обеим сторонам дороги потянулась посадка молодых берёз. С них ещё не слетела вся листва, и они радовали глаз золотыми листьями, которые мелко дрожали на ветру. Судя по тому, как раскачивались верхушки деревьев, ветер здесь гулял нешуточный. Ох, как же я радовался этому пейзажу после мертвенного кукурузного поля! Но ещё больше радовало меня отсутствие на дороге каких-либо машин, кроме "фольксвагена".

Вскоре и берёзы кончились. Мы уже примерно час как гнали по совершенно болотистой открытой местности. Наполовину затянута ряской вода казалась антрацитовый.

Смеркалось. Свитый промозглостью болот туман поднимался над землёй. Вскоре он поглотил все, кроме дороги. Можно было разобрать лишь неясные очертания кочек и маленьких разлапистых деревьев. Стена тумана встала по обеим сторонам дороги, но само шоссе было видно на много метров вперёд.

В мутном мареве тумана вспыхивали неясные огоньки, как будто там бродила толпа гномов с фонариками. Мне даже показалось, что я вижу неясные маленькие тени.

Машина ехала очень быстро, но я заметил мелькнувший у самой дороги угловатый скрюченный силуэт. На мгновение из тумана высунулось уродливое злое лицо со ртом, полным торчащих во все стороны зубищ.

Лучше бы я этого не видел! Оставалось только надеяться, что моё разыгравшееся воображение приняло болотную

кочку за что-то живое. И очень— очень недоброе.

Я был напряжён до предела и вздрогнул, когда в машине раздался резкий отрывистый звонок. Звонил дисковый телефон, вмонтированный в обтянутую кожей панель между двумя передними сидениями. Надо же, а я и не заметил, что в этой машине есть средство связи.

— Алё! — откашлявшись, звучно сказал в трубку чернявый.

Он держал её у уха минуты две, а потом, ни слова не говоря, передал её рыжему.

— Слушаю— с.

После небольшой паузы рыжий произнёс:

— Да, один.

И тут на другом конце провода что-то сказали такое, что вызвало у рыжего если не удивление, то недоумение.

— вот как? — даже переспросил он.

Чернявый тихонько насвистывал, поглядывая на своего соседа.

— Я вас понял, — кивнул водитель. — Оплата, соответственно, как и за целиком проделанную работу?

Судя по всему, его уверили, что да, конечно, потому как рыжий кинул многозначительный взгляд на чернявого.

— И вам доброго здоровьичка! — рыжий, наконец, положил трубку.

Я очень внимательно прислушивался к этому разговору, потому как сразу понял: речь идёт о моей дальнейшей судьбе. А тот, кто разговаривал с водителем — и есть заказчик

моего похищения. Именно к нему меня так долго упорно и везут. Если, конечно, планы этого таинственного господина не поменялись, и он не велел двоим прикончить меня прямо сейчас. А, судя по ответам Гармогена Галактионовича, планы поменялись. И вряд ли в хорошую для меня сторону.

Машина неслась сквозь стену враждебного тумана. Я думал о том, что будет со мной дальше. Судя по всему, заказчику я по каким-то причинам больше не нужен.

А раз так, они убьют меня. Им ничего это не будет стоить. Как комара прихлопнуть.

Нет ничего хуже неизвестности. Меня потрясывало, как перед походом в кабинет зубного врача. Копившийся за весь прошедший день ужас готов был вырваться на свободу. Хотелось крикнуть: «Раз вы должны меня убить, так убивайте, что вы тянете!».

Я крепко— накрепко стиснул зубы. Если бы я это сделал, если бы показал себя трусом, обделавшимся маленьким мальчиком, то перестал бы себя уважать. Пусть я дурак, что в такой страшной ситуации думаю лишь об том, чтобы сохранить лицо... Но, пожалуй, это единственное, что я могу. Перед смертью я хотел бы сохранить уважение к себе. В эти последние минуты жизни я буду думать о самом светлом, что у меня осталось: о маме и о маленьком братике. Жаль, что я не смогу заменить ему отца.

"Фольксваген", прижавшись к обочине, плавно затормозил.

Я спокойно сидел, откинувшись на спинку сидения и внимательно глядя в окно. Там, в пелене тумана, мелькал бледный маленький огонёк. То дальше, то ближе, то ярче, то тусклее. Будто зазывал меня поиграть в прятки. Хотя при такой-то мути больше подойдут жмурки.

Надеюсь, они не заметили, как я быстро обтёр вспотевшие ладони об джинсы.

– В общем, так, милейший, – хрипло произнёс рыжий, который явно был в этой паре за главного. – Ошибочка с тобою вышла.

– Ты, оказывается, товар ненужный и неинтересный, – поддакнул чернявый. – Кто бы мог подумать, Гармоген Галактионович?

– Никто, Агафон Аристархович, никто... – сокрушённо пожало плечами существо с Микки Маусом в зрачке и снова обратилось ко мне. – До дома, сам понимаешь, мы тебя довезти не можем. Но рядышком подкинем. Иди по этой дороге только вперёд. Пройдешь пролесок и мост. А там человеческая деревня. Как, бишь, она называется? – монстр пощёлкал пальцами.

– Троицкое, – пришёл на помощь чернявый. – Что-то память ваша совсем плоха сделалась, Гармоген Галактионович!

– И не говорите, Агафон Аристархович, – с сокрушением покачал головой рыжий.

Отпускают? Они меня отпускают? То есть они похитили

меня и полдня везли куда-то по inferнальной дороге, чтобы в итоге отпустить?

Чёрт, кажется, я сказал это вслух.

– А что нам с тобой делать? Расчленишь, а потом зажарить и съесть, что ли? – деланно засмеялся чернявый.

Шутка вышла на редкость паршивой. В первую очередь, из-за странного тона кудрявого монстра, а во– вторых, из-за маленького голодного огонька, на мгновение мелькнувшего в его чуть раскосых странных глазах.

– Ох, вы и шутник, Агафон Аристархович! – рыжий тоже залился утробным лающим смехом.

Они веселились минуты две, после чего рыжий отщёп глаз и абсолютно серьёзным тоном произнёс:

– Иди только вперёд. Не оглядывайся. И даже не вздумай возвращаться на эту дорогу.

– Он не будет, – вставил чернявый. – Он же умный мальчик.

– Полагаю, что так, – кивнул рыжий. – Поэтому ты не станешь никому рассказывать о том, где был и что видел. Понимаешь же, что мы легко тебя найдём?

Я обалдело кивнул. Я тут, значит, уже к смерти приготовился... Неужели они действительно меня отпускают?

– Как только выйдешь из машины, по сторонам не смотри, особенно на болотные огни. Сразу переходи черту. Тогда они ничего не смогут тебе сделать.

Непослушными пальцами я потянул ручку двери. Не под-

давалась. Так они просто издеваются...

– На себя тяни, – посоветовал чернявый.

– Да, эта дверца постоянно клинит, – буднично сообщил рыжий.

– Нет, Гармоген Галактионович, мы всё-таки должны загнать машину на ремонт, – раздражённым голосом буркнул чернявый. – На такой развалюхе...

Но я не услышал продолжение перебранки, потому что ручка, наконец, поддалась, и я вывалился из машины.

От долгого сидения в одной и той же позе тело затекло, поэтому двигался я с трудом.

Едва оказавшись за пределами салона машины, понял, о какой черте говорил рыжий. Она была обозначена настолько явно, что и дурак бы сообразил.

Широкая асфальтированная дорога дальше вела через лес. Самое интересное, что туман на этот лес не распространялся. Белую стену как будто кто-то ножиком обрубил. Да и сам асфальт впереди был иного качества. Не чёрный, а серый. И разметка белая.

Без дальнейших измышлений я резво пересёк границу, оставив позади стену тумана и чёрную дорогу. Белый "фольксваген", разрезав светом фар мутную дымку, лихо развернулся и, газанув, умчался в обратном направлении. А я почему-то ещё долго стоял, вглядываясь машине вслед. Казалось, что последняя ниточка, связывающая меня с нашим миром, оборвалась.

Совсем недалеко от меня, в зыбком белёсом мареве, блуждал одинокий огонёк. Вскоре к нему присоединились ещё несколько.

— Мальчик, эй, мальчик... -зашелестели тихие вкрадчивые голоса. — Иди сюда, иди сюда... Они обманули тебя, обманули... Они злые, злые, злые... А мы добрые, добрые, добрые... Мы покажем тебе путь домой... Мы проводим, проводим, проводим... Мы добрые, добрые, добрые...

Туман, словно живое существо, выползал на трассу, тонкой пеленой змеился над чёрным асфальтом. Словно зачарованный, я сделал шаг к линии, разделяющей серый и чёрный асфальты, мир леса и мир тумана. Я стоял у самой кромки.

Эти огоньки... Они манили.

— Мальчик, там опасно... Та сторона полна призраков... А мы добрые... Мы отведём тебя домой...

Белая мгла сгустилась над дорогой. Жёлтые огоньки водили в ней свой странный хоровод. Мелькали маленькие уродливые силуэты.

— Иди на нашу сторону, мальчик... Мы поможем... Иди к нам... Мы покажем тебе путь домой...

Я понимал, что уж кому— кому, а им доверять не надо. Но слово «домой» производило на меня магическое действие. Носы кроссовок зависли над чертой. Огоньки очаровали, одурманили меня, и я уже был готов ступить в царство тумана, как вдруг из леса раздался пронзительный лай.

Резкий, неприятный звук сбросил моё оцепенение. Я ис-

пуганно отпрянул от черты.

– Уходи, уходи, уходи прочь! – недобро завизжали голоса. – Он наша, наша, наша добыча!

Лай зазвучал громче и злее. За деревьями быстро промелькнул чёрный хвостатый силуэт. Будто выражая недовольство, огоньки вспыхнули зелёным. Туман над дорогой за клубился, а потом и вовсе сгинул.

Наступила тишина. Но она была не зловещей, а спокойной. Относительно спокойной.

Только сейчас я почувствовал холод наступающей осенней ночи. Поёжившись, до конца застегнул ветровку и по самые глаза натянул капюшон.

Что ж, монстры, по крайней мере, не обманули меня в том, что трасса с жёлтой разметкой опасна. Возможно, не обманули и насчёт того, что я скоро смогу попасть домой. Впрочем, на хеппи–энд пока надеяться рано.

Передо мной лежала дорога, по обеим сторонам которой возвышались величественные сосны–великаны. Я засунул похолодевшие руки в карманы и зашагал вперёд.

Деревья были настолько огромными, а дорога настолько широкой, что я чувствовал себя не в своей тарелке. Но страх куда-то ушёл. Здесь было спокойно. Безмолвно. Одиноко.

Я старался идти как можно быстрее, ступая прямо по белой полосе, обозначающей разметку. Шероховатый асфальт в некоторых местах потрескался. Кое–где видны выбоины. Наверное, машины не ездят здесь очень давно.

Я думал, что долго буду идти по этой дороге в сгущающихся сумерках, но ошибся. Вскоре увидел, что лес кончается. Впереди показался жёлтый огонёк. Но, в отличие от мутных двигающихся в тумане огней, он стоял на месте и был очень ярким.

Дорога привела меня к огромному деревянному мосту, перекинутому через воды широкой реки. В перила был вделан одинокий старинный фонарь. Он освещал часть моста ровным насыщенным светом.

Но, странное дело, лишь только я вышел из-под покрова сосен на открытое место перед мостом, как меня охватило смутное чувство тревоги. Как будто я покинул безопасное место и оказался беззащитным перед лицом опасности, о природе которой я мог только догадываться.

Река несла свои быстрые воды на север. Было в ней что-то такое, что заставило меня замедлить шаги. Потом я и вовсе остановился.

Вода абсолютно чёрная и кажется очень густой, точно в реке нефть. Или мазут. Даже свет фонаря не отражался в ней.

Очень странная река. Памятуя о границе между двумя дорогами, я никак не решался ступить на мост. Чувства обострились до предела. Мне казалось, что я слышу, что кто-то затаился там, под мостом. Кто-то большой, скользкий и очень голодный. Затаился и наблюдает за мной. Под этим фонарём я точно в свете прожектора.

«Не стоит делать этого, парень, ох, не стоит», – нащёпты-

вал внутренний голос. Всеми фибрами я ощущал опасность, исходившую от этого места.

Но делать нечего. Я же не буду, как болван, торчать здесь из-за каких-то глупых опасений. По большому счёту, страхи мои, конечно, небезосновательны, но я обязан побороть их. Нужно идти дальше. Назад пути нет.

Затаив дыхание, я поставил ногу на деревянные перекладины так осторожно, будто они были из хрусталя. И тут показалось, что из-за перил справа донёсся противный хлюпающий звук.

Внезапно маленькая чёрная тень отделилась от леса и стремительно пересекла открытое пространство. Я даже не успел разглядеть её, а тень уже оказалась на мосту поодаль от меня.

В свете фонаря шерсть зверя отливала иссиня— чёрным. Блеснули зелёные яркие глаза, мелькнул пушистый хвост. Лисица. Это она отогнала туман у черты, разделяющей два мира, и вот сейчас медленно шла по мосту, сопровождая меня.

В тишине наступившей осенней ночи был явственно слышен плеск воды далеко внизу. Я хотел подойти к перилам. Мне нужно было доказать себе, что я не трус. А ещё убедиться, что никто не крадётсЯ за мной по пятам. Но лисица тихо тЯвкнула. Приблизиться к краю моста я не рискнул.

Какой, однако, он длинный! Я шёл уже очень долго, даже дольше, чем по лесной дороге, а не достиг ещё даже середины.

Там кончался круг света и начиналась непроглядная тьма.

Справа за перилами послышался какой-то булькающий звук. Он был не отдалённым, а каким-то очень близким. Мне хотелось кинуться со всех ног, но каким-то седьмым чувством, особенно обострившимся сейчас, я понимал, что этого делать нельзя.

Я бы побежал, я бы рванул, как сумасшедший. Слишком многое пришлось пережить за последние семь часов. Но меня удерживала лисица, неотступно следующая рядом. Если бы не она, я уже свихнулся от страха, и сам прыгнул в чёрные воды реки.

Между перекладинами перил что-то маслянисто блеснуло. Снова послышался плеск, и дерево окрасилось в чёрный. Когда я прошёл мимо, чёрная вода стекла с перил.

Лисица чуть повела носом в ту сторону и перешла на трусцу. Ускорил шаги и я, хотя внутри всё дрожало, и кто-то, совсем непохожий на меня, в панике кричал «Беги!».

Хлюпающие звуки усилились. Чёрная жидкость тоненькой струйкой влилась на мост через перила уже слева, растекалась по дереву неприятного вида лужицей. Я и лисица успели проскочить до того момента, как струйка добралась до противоположной стороны моста, прочертив по дереву тонкую чёрную линию.

Едва миновали средину, зажёгся ещё один фонарь, осветив оставшуюся половину моста. За спиной послышался какой-то треск. Оглянулся, зная, что ничего хорошего я там

не увижу. Чёрная жидкость облепила первый фонарь, будто проглотив его вместе со светом, который он испускал. Сзади пространство тонуло во мраке. Этот мрак, постепенно набирая скорость, пожирал мост за моей спиной. Справа под мостом как будто что-то взорвалось, и на меня упал дождь из тяжёлых капель. Они застучали по деревянному настилу моста, как огромные чёрные градины.

Лисица взвизгнула и стрелой рванула вперёд. Я кинулся следом. Она ловко уворачивалась от летящих сверху чёрных капель. Мои кроссовки увязали в разливающихся по мосту тёмных лужах. Я отдирал подошвы тяжело, с противным чавкающим звуком.

Мост не хотел отпускать. Но впереди маячил задранный пушистый хвост и, вырвавшись из цепких объятий очередной лужи, я мчался за лисицей что есть мочи.

Чернильная темнота за моей спиной с аппетитным чавканьем поглощала дерево. Она была быстрее меня во сто крат. Трещали ломающиеся перила, всё оставшееся деревянное основание моста ходило ходуном.

Я пробежал уже, кажется, километр, а до земли было ещё очень далеко. Этот чёртов мост бесконечный, что ли? Кто-то специально создал иллюзию того, что он меньше, чем на самом деле. Впрочем, это уже неважно. Скоро я буду проглочен тьмой, скоро от меня не останется ничего, даже костей.

Я задышался. От бешеной скачки неистово колотилось сердце. Всё, больше бежать не могу. Можете ставить двойку

по физре!

Внезапно перед самым моим носом возникла тень зверька. Широко расставив лапы, лисица встала на мосту. Узкая морда ощерилась, глаза налились зелёным.

Маленький чёрный зверёк против неотвратимо надвигающейся огромной чёрной бездны.

Ну, уж нет! Я схватил лисицу поперёк туловища и устремился вперёд так, как никогда в жизни не бегал. Она что-то возмущённо фыркнула и затихла у меня под мышкой. Гигантскими скачками перепрыгивал уже даже не лужи, а озёра чёрной жидкости. Вот теперь учитель физкультуры точно бы мной гордился!

Сзади послышался скрежет. Чёрная мгла жрала деревянные перекладины, по которым я бежал секунды назад.

Мне ни за что не успеть бы, но впереди, наконец-то, чёрт побери, показалась земля. В два прыжка я преодолел расстояние до неё, и вместе с лисицей, зажатой под мышкой, рухнул в мягкий влажный песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.